ЗНАМЕНИТЫЕ СОБАКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга, предназначенная для детей и взрослых, о знаменитых собаках, чьи имена сохранились в истории благодаря героическим поступкам, которые они совершили из любви к своим хозяевам.

Переизданием рассказов о знаменитых собаках открывается новая издательская серия Государственной публичной исторической библиотеки России, в которой будут переизданы книги из «Детской коллекции» отдела редких книг ГПИБ.

Авторы картинок, рисованных и вырезанных на дереве для политипажей в тексте оригинала — известный русский художник И. С. Панов и лучший русский гравер М. Н. Рашевский (Петербург).

- Автор неизвестен
  - Предисловие
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - Заключение

Автор неизвестен

ЗНАМЕНИТЫЕ СОБАКИ
РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Предисловие

В этой книжке мы будем читать о знаменитых собаках. Но что значит знаменитые собаки? Чем собаки могут быть знамениты? Не все ли собаки одинаковы между собой?… Есть свойства, принадлежащие всем вообще собакам, как есть свойства, принадлежащие всем вообще людям; но, кроме этих общих свойств, каждый вид собак имеет еще и свои особенные качества и свойства. Собакам, как и человеку, присущи также и характеры. Так, например, все собаки вообще отличаются своей привязанностью к людям, но были между ними и такие особи, которые свою преданность и верность доводили до геройского самопожертвования. Такие собаки по всей справедливости могут быть отнесены к *знаменитым животным.*

Собака, разделяющая тюремное заключение своего господина и переносящая в течение многих лет такое заточение без малейшей жалобы, — разве это не замечательное явление даже среди собак, отличающихся вообще большим постоянством в своих привязанностях?… Собака, поставленная стеречь овец и забытая здесь хозяином, не покидает своего места, несмотря на то, что, окоченев от холода, едва в силах выполнить данное ей поручение, — разве это не замечательно строгое выполнение своего долга?… Собаки, спасающие людей от смерти и погибающие во время таких благотворительных обязанностей, — разве это не доблестные герои?… Были и другие поводы, вследствие которых многие из этих прекрасных созданий приобрели себе неувядаемую славу. У многих из этих бессловесных тварей многие из людей могли бы поучиться тому, как следует любить своего ближнего, выручать его из беды, стоять за него горой, спасать от смерти и не обижать тех, кто слабее нас… Мы смело можем сказать всем: поступайте так, как поступал *Барри* или *Боб* (знаменитый член лондонского человеколюбивого общества). Деяния этих двух собак выше всяких похвал! При своей жизни они пользовались всеобщей симпатией; их имена не должны предаваться забвению. Всем детям полезно будет познакомиться с жизнеописанием не только этих двух собак, но и многих других, имена или деяния которых сохранены для нас историей.

И. Деркачев

Богородицк

1880 г.

I
Собака — лучший друг человека

Многие и многие из людей изведали на себе доброе сердце собаки, особенно в те горькие минуты, когда они, больные и забытые всеми, видели у своей постели лишь четвероногого друга, смотревшего на них взглядом, исполненным самых сердечных соболезнований.

Собака любит человека и в бедности и в богатстве, больного и здорового, красивого и безобразного; защищает его в опасности, развлекает в скуке и одиночестве; почти безропотно голодает вместе со своим хозяином в нищете и никогда не покидает его. Разлука со своим господином для верной собаки бывает крайне тяжела. Она долго горюет и, если можно, то пускается вслед за своим другом, ищет его, не задумываясь ни перед временем и пространством, ни перед нуждою и опасностями разного рода. Потеряв любимого друга, собака не всегда выбирает себе нового господина.

Такова собака и таковою она была во все времена! У древних греков мы находим Аргуса, Меламфита, Филера и других собак,

прославившихся своей верностью и преданностью. У римского народа прославились такой же преданностью собаки Сульпициуса и Сабинуса. Даже у древних евреев, не любивших это животное, находились собаки, зализывавшие струпья нищим лазарям, между тем как богачи, одетые в «порфиру и виссон», безучастно проходили мимо несчастных страдальцев… Новейшее время дает также много примеров искренней дружбы собаки к человеку. Случалось, что это доброе создание, причинив невольно обиду своему другу — человеку, не могло потом смотреть ему в глаза, не могло уже ласкаться к нему и умирало от стыда, тоски и горя.

Султан

Старые посетители Люксембургского сада в Париже помнят еще аббата, прозванного *«тридцать тысяч человек»*. Прозвание это было ему дано за ту уверенность, с которою он решал права и интересы всех людей в Европе с помощью тридцати тысяч человек, которые по его команде переходили реки, горы, брали города и выигрывали сражения. Он не любил многочисленных армий — с него довольно было тридцати тысяч человек. Воинственный аббат терпеть не мог сидеть взаперти. Он с раннего утра приходил в сад, завтракал и обедал в кофейне, выпивал вечером бутылку пива и съедал вместе со своей собакой шесть пирожков. В дождливые дни он оставался в кофейне, читал, перечитывал и толковал газеты, обращаясь к своей собаке, если никого другого не было.

Он умер, и Султан, верный друг его, *шпиц* среднего роста, рыжеватый, не захотел выбрать себе нового хозяина, хотя многие из друзей аббата предлагали ему жить у них.

С давнего времени привычным местопребыванием его был сад. Он и остался там; лежал на стульях в хорошую погоду и под стульями в дурную. Доброе животное выказывало особенную любовь к друзьям аббата, ходило вслед за ними, когда они прохаживались медленным шагом; останавливалось вместе с ними, смотрело на фигуры, которые они чертили на песке; получало от пивших кофе кусочки хлеба, а от пивших пиво пирожки, которые проворно подхватывало на лету, а от обедавших у кухмистера кое-какие остатки.

Впрочем, Султан не был безвыходно в Люксембургском саду, а с удовольствием принимал приглашение на обед, что случалось очень часто, когда заметили, что такое внимание было ему приятно. «Султан, хочешь идти ко мне обедать?» Некоторые были еще вежливее и говорили: «Не сделаешь ли ты мне чести отобедать со мною?» Собака принимала приглашение с ласками, если не получила еще приглашения от кого другого. Напротив, если была уже приглашена, то, выразив свою благодарность, она становилась подле того, кто первый пригласил ее. Она шла с ним рядом, попрыгав при выходе из сада, обедала с большим аппетитом и во все время обеда выделывала разные штуки. Это была превеселая гостья! Когда снимали скатерть, то Султан, выждав несколько минут, вежливо просил, чтоб его выпустили, и если не скоро выпускали, начинал визжать и потом сердился.

Собаку часто пытались удержать. Она убегала и никогда больше не приходила к тем, которые, пригласив на обед, намеревались лишить ее свободы. Один господин, может быть и любивший ее, но не умевший понять, что силой нельзя привязать к себе высокой души, вздумал было привязать гостью на веревку. Султан пришел в негодование, укусил его, перегрыз веревку, убежал во всю прыть и после этого всякий раз, встречая этого коварного друга, укорял его в предательстве сердитым лаем.

Аргус

Известно, что Улисс, царь острова Итака, прозванный «многоумным», участвовал в знаменитом походе на город Трою. Это он навел греков на мысль соорудить ту огромную деревянную лошадь, которая способствовала взятию города.

Разрушив Трою, многочисленные греческие племена со своими полководцами сели на корабли, чтоб возвратиться на

родину. Одни из них умерли, не достигнув берегов своего отечества, другие возвратились, но после того, как потерпели в долгом плавании многочисленные несчастья. В числе последних был и Улисс (или Одиссей). Приключения его и послужили содержанием Гомеровой «Одиссеи».

Потеряв все свои корабли и всех своих товарищей, Одиссей достиг наконец острова Итака. Но годы, горе и бедствия так сильно изменили наружность Улисса, что никто не узнавал в нем прежнего своего царя. Даже пастух Евмей, самый верный из его подданных, не признал в нем своего повелителя. На вопросы Улисса пастух поспешно ответил: «Видно, странник, что ты не здешний, коли не знаешь того, что у нас происходит. Узнай же, что старейшины, не видя возвращения своего царя, решили избрать себе нового правителя. Завтра произойдет состязание в стрельбе из лука. Лучший стрелок женится на вдове царя Улисса Пенелопе (которая все еще очень красива) и будет править государством». «Завтра и я явлюсь на состязание», — сказал Улисс. Разговаривая таким образом, они дошли до дворца. Тут на куче навоза валялась старая и слепая собака, воспитанная Улиссом и оставленная им еще совсем молодой при отъезде на войну. Аргус, больной и несчастный, как только почувствовал приближение Улисса, поднял голову и навострил уши; потом поднялся и старался доползти до него. Улисс тотчас же узнал свою собаку и был до слез растроган жалким ее видом; но, не желая, чтоб Евмей видел его слезы, поспешил оправиться. «Я удивляюсь, — сказал Улисс пастуху, — почему собаку оставляют на куче навоза, без призрения: она ведь еще очень красива. Я, разумеется, не могу знать, каковы были ее качества в молодости. Может быть, она была одна из тех собак, которые служат лишь комнатными украшениями и которых короли часто держат для забавы».

«Эта собака, — возразил Евмей, — была любимица оплакиваемого нами до сих пор царя. О, если бы ты видел ее во всей ее силе и красе во время отъезда Улисса, то не налюбовался бы ею! Теперь Аргус изнемогает от старости и болезни; собака покинута всеми, потому что нашего царя нет здесь: он, верно, утонул где-нибудь в море…»

Аргус, сделав последнее усилие, поднялся на задние лапы, а передние поставил на грудь своего хозяина и слабо залаял. «Бедное животное, — роптал Улисс, поглаживая свою собаку по голове, — для тебя и годы не изменили меня — ты один узнал меня! Разве память у животных лучше, чем у людей?…» Аргус силился еще ласково залаять, но в ту же минуту тяжело упал к ногам Улисса. Собака умерла с радости, что увидела снова своего

хозяина.

Этот простой рассказ есть одна из лучших страниц Гомеровой поэмы. Герой, могучий человек, полубог, проливает слезы при виде собаки, ласкающейся к нему после двадцатилетней разлуки!..

На другой день Улисс достиг первенства на состязании, назвал себя и стал снова править своим царством.

Атлан

Вот случай из жизни одной *овчарки,* заимствованный нами из процесса, решенного судом присяжных в городе По, у подошвы Пиренеев. В поле пред хижиной найден был убитый пастух, от трупа которого никак нельзя было отогнать собаку. На теле ее видны были следы значительных повреждений. Сообразив обстоятельства, пришли к тому заключению, что убийца, вероятно, дрался с убитым и его собакой и что, может быть, на нем остались следы укушения или какие-нибудь другие раны. Это привело к аресту одного подозрительного человека. Началось следствие. Допрос свидетелей был уже почти окончен, но, вследствие показания одного из них, понадобилось ввести собаку, Атлана.

Когда собака вошла в судейскую залу и увидела обвиняемого, то прижалась к земле, заворчала и, как бы подумав немного, одним скачком перепрыгнула перила пред скамьей обвиняемых, схватила обвиняемого за горло и стала кусать его. Только с

большим трудом и некоторым самопожертвованием могли оттащить ее от подсудимого. Это был, как после подтвердило его собственное показание, убийца хозяина овчарки.

Меламфит

Плутарх упоминает об этой собаке, описывая жизнь Фемистокла. Она принадлежала Ксантипу (отцу Перикла) и сопровождала своего хозяина во всех его путешествиях. Однажды Ксантип должен был отправиться на остров Саламин и решил не брать с собой на этот раз свою собаку. Зная же, что верное животное все-таки последует за ним, он перед отъездом приказал запереть Меламфита в особую комнату. Стоя на окне своей временной тюрьмы, собака видела своего хозяина, одетого в дорожное платье и отправляющегося к пристани. Она догадалась, что Ксантип предпринимает далекое путешествие. Как! Хозяин уезжает и не берет меня с собой! Не наказана ли я за какой-нибудь невольный проступок?

Собака подходит к двери, скребет и лает. Никто не отворяет. Не сомневаясь более в том, что ее заперли с намерением, она возвращается к окну, которое было открыто, измеряет вышину и, не страшась ушиба, выскакивает из окна на землю. Она прибегает к пристани, но слишком поздно: хозяин ее уже отплыл в море. Корабль, подгоняемый попутным ветром, несется все дальше и дальше… Бедный Меламфит! Какое горе! Он лает, воет, визжит, жалуется, наконец бросается вплавь в погоню за кораблем. Вдруг небо покрывается темными тучами; разражается страшный ураган; сердитые волны бросают собаку из стороны в сторону. Захлебываясь морской водой, Меламфит плывет смело и бодро. Но ему пришлось плыть почти целый час, прежде чем ураган успокоился и море стихло. Вот Меламфит уже в нескольких саженях от корабля… В это время Ксантип вышел из каюты на палубу, чтоб полюбоваться лазоревым морем и насладиться тишиной его после бури. Лай собаки привлекает его внимание; он смотрит в ту сторону и — о ужас! — узнт своего Меламфита! Бедная собака! Какой утомительный путь она совершила! Она должна изнемогать от усталости; она погибнет, если не подать ей скорой помощи! «Ободрись, Меламфит, ободрись!» — закричал он верному животному. Собака, услыхав голос своего хозяина, удваивает старание и скоро подплывает к самому кораблю. Ксантип просит капитана остановить корабль и принять на борт его собаку. Он умоляет, обещает большую награду. Капитан отказывает.

Продолжают путешествие, а Меламфит плывет за судном. Наконец причаливают к берегу. Ксантип ищет беспокойным взглядом свою собаку. В первую минуту он не видит ее между волнами. Он уверен, что она потонула, и сильно огорчается… Он хотел было уже удалиться, как увидал Меламфита, вышедшего из воды на берег и упавшего на землю от изнеможения. Подбежав к собаке, Ксантип ласкает ее, ухаживает за ней. Собака взглянула на своего хозяина, сделала последнее усилие, чтобы подняться, но не могла. Испустив глухой стон, она умирает у ног Ксантипа.

«Жестокий человек, — воскликнул Ксантип, обращаясь к капитану, — ты мог спасти мою собаку, но не хотел сделать этого! Ты виновник ее смерти. Вот, видишь этот кошелек, наполненный золотом? Ты бы получил его. Тут целое состояние, и ты обеспечил бы этим твое семейство. Ты не хотел этого — так оставайся же в бедности! Золото это я употреблю на Меламфита».

Действительно, Ксантип похоронил свою собаку на берегу моря и соорудил на могиле ее великолепный памятник. И теперь еще показывают путешественникам эту местность, называя ее *«могилой собаки»*.

Цитра

В одном итальянском городе во время карнавала молодой человек, занимавшийся разведением винограда, пришел домой поздно вечером в нетрезвом виде в странном костюме и с маской на лице. *Легавая* его собака Цитра, остававшаяся дома, завидев

какого-то человека, поспешно входящего в дом, не узнала в нем своего хозяина: она приняла его за мошенника. Бросилась Цитра на своего переряженного господина и сильно укусила его за руку. Ударом ноги собака была отброшена в угол комнаты. Когда же верное животное хотело повторить нападение, то виноградарь поспешил снять маску и заговорил со своей собакой. Узнав голос своего господина, она еще узнала и то, что в этом голосе звучат страшные упреки. Испустив раздирающий душу вопль, собака прилегла у ног своего хозяина и так глядела на него, как будто просила прощения за свой ужасный проступок.

Опьяневший виноградарь не заметил этой просьбы, он еще с большим гневом разразился на собаку, когда увидел струящуюся кровь из укушенного места: «Посмотри, что ты сделала! Уйди, гадкая тварь! Я не могу больше видеть тебя!»

Собака поняла слова своего хозяина таким образом, что она совершила не проступок, а непоправимое преступление. Цитра удалилась молча, с поникшей головой. Жизнь сделалась теперь ей в тягость; она не в состоянии переносить дневной свет, а потому спускается по темной, сырой и узкой лестнице в подвал (точно заживо уходила под землю, хоронила себя), отыскивает там самый далекий темный угол, ложится под чан и не перестает жалобно выть и стонать.

Между тем виноградарь, убедившись, что собака бросилась на него по ошибке, охотно простил своего друга. Видя же сильное горе животного, он подходит к нему, ласкает, старается вызвать собаку из ее убежища. Добрые слова хозяина, выражение его расположения, великодушное прощение — все это показалось собаке еще ужаснее, чем изгнание. Как! Она сделала непростительное преступление, а он прощает ей такую обиду! Горе и отчаяние увеличиваются. На голос и ласки хозяина собака отвечает продолжительным и грустным воем, слезы градом текут из ее глаз. Видя, что собака упрямится и не выходит из подвала, хозяин стал приносить ей пищу, но собака не притрагивалась к ней. Она хотела умереть!.. И в самом деле через пять дней собаку нашли мертвой возле нетронутой ею пищи.

Собака Алкивиада

Историки, описывающие жизнь Алкивиада и передающие его подвиги, упоминают и о его собаке. По их рассказам, это животное было чрезвычайно красиво и обладало изумительной силой.

Однажды в лесочке в окрестностях Афин на нее напали

четыре злоумышленника с намерением сорвать с нее великолепный тяжелый золотой ошейник, на котором было вырезано ее имя и место жительства ее хозяина.

Но негодяи встретили сопротивление, которого не ожидали. Храброе животное пришло в ярость и бросилось на мошенников со страшным лаем. Трое из них, порядочно искусанные, спаслись бегством. На четвертого же собака не бросилась и не причинила ему никакого вреда, но, схвативши его крепко за кисть руки, заставила идти с ней и таким образом привела его к своему хозяину.

Спустя несколько времени народ афинский начал громко роптать. Негодование угрожало перейти в восстание.

«Было бы опасно, — подумал Алкивиад, — позволять долее афинянам обсуждать действия правительства. Надо непременно найти способ отвлечь внимание разбушевавшейся толпы». И он нашел этот способ. Отрезав хвост своей собаке, Алкивиад стал разгуливать с ней по всему городу.

Народ видел в отрезанном хвосте собаки только странность Алкивиадова характера, очень смеялся этому несколько дней кряду, забавлялся этим и забыл думать о делах государства…

После весьма бурной жизни Алкивиад, изгнанный из своего отечества, удалился в Персию, где надеялся быть в безопасности под покровительством гостеприимных законов. Напрасная надежда!

Фарнабаз, главный министр короля Персии, подкупил людей, чтобы убить знаменитого грека. Заговорщики сначала подожгли дом Алкивиада, и когда герой, полуодетый, выбежал на улицу, чтоб спастись от пламени, они засыпали его градом стрел. Алкивиад пал мертвый (в 404 г. до Р. Х.).

Собака его выбежала за ним из дома, держа в зубах пакет с очень важными письмами. Она была изранена так же, как и ее хозяин. Но, умирая, животное старалось еще зубами вытащить стрелы, вонзившиеся в тело Алкивиада.

Батисто

При одном из мелких парижских театров жили слепой, актриса и собака. Жили они в большой дружбе. Слепой нищий был очень стар и питался подаянием, которое собирала для него собака, *пудель* по имени Батисто.

Актриса была также очень бедна, потому что получала ничтожную плату и только за представление. В те же дни, когда она не играла, ей приходилось питаться надеждой… Актриса, по доброте души, держала в порядке одежду старика и смотрела за его хозяйством, а по воскресеньям расчесывала Батисто. За это внимание слепец отплачивал доброй девушке рассказами о прошлой своей боевой службе.

Вот однажды приехали простые дроги и увезли слепца. Оставшиеся в живых проводили его до последнего жилища и когда воротились домой, то Батисто стал принадлежать теперь актрисе.

Молодая девушка занимала такую бедную квартиру, что в ней нечем было соблазниться ворам, а потому дверь не запиралась на замок, к ней просто была приделана скромная защелка, которую Батисто скоро выучился поднимать. Актриса долго не играла, и капитал ее, не поддерживаемый даже ничтожной платой, быстро истощился. Правда, она ходила на репетиции, но до представления оставалось еще немало времени, так что скудного запаса ее не хватало на все эти дни.

Можете себе представить, как это ее тревожило!

Через два дня, когда она вернулась с репетиции, то подумала: не во сне ли видит то, что представилось ее глазам! Пол ее

комнаты был усыпан монетами, медными и серебряными. Всего было рубля на два — богатство!

Молодая актриса тщетно старалась угадать, кто бы мог быть этот помешанный благодетель, разбросавший по бедной комнатке подаяние, которое мог бы положить на стол. На другой день благодеяние повторилось: артистка по возвращении из театра подобрала с пола около пяти рублей.

По прошествии недели собрав около шестнадцати рублей, актриса пожелала узнать, кто это благотворил ей в ее отсутствие. Она не пошла на репетицию и спряталась в коридоре для наблюдения. Чрез час она узнала благодетеля. Это был Батисто! Это он высыпал деньги на пол из своей чашечки.

Как скоро приятельница его уходила, собака поднимала защелку, выбегала на улицу и с чашкой в зубах становилась на то место, где всегда сидел ее покойный хозяин. Видя собаку одну, прохожие, знавшие ее, воображали, что хозяин ее болен, и, побуждаемые к большей щедрости таким предположением, увеличивали в несколько раз подаяние отсутствующему слепцу.

Через несколько дней после этого открытия в театре было представление, актриса своей игрой привлекла внимание директора другого театра; он пригласил ее в свою труппу за более значительное вознаграждение.

Прошло двадцать лет — актриса сделалась богата и известна, а Батисто никогда не разлучался с ней. Он занимал почетное место в гостиной (правда, это было чучело), и когда у хозяйки спрашивали, по какому праву собака эта покоилась на шелковой подушке, тогда актриса рассказывала то, что вы сейчас прочитали.

Живя у актрисы, уже богатой, Батисто по привычке или от скуки становился иногда где-нибудь на улице со своей чашечкой, в которую по-прежнему попадала милостыня. Само собой разумеется, что собранные деньги актриса теперь отдавала беднякам. Таким образом Батисто оставался благотворителем до конца своей жизни.

Мизер

Одна несчастная собака, не имевшая хозяина и бродившая долгое время по улицам Константины в Алжирии, встретила молодого французского живописца, пристала к нему и добровольно покорилась ему. Живописец, прельщенный ее ласками, не отталкивал бродягу от себя, только дал ей кличку Мизер (ничтожность, крайняя бедность). Умные люди и

сердечные собаки созданы друг для друга. К несчастью, умные люди бывают часто подвержены рассеянности. Живописец, не предупредивши собаку, отлучился из дома недели на две; собака с горя заболела. По возвращении хозяина она молча и скромно ожидает призыва, чтоб расточить своему рассеянному другу самые безрассудные ласки.

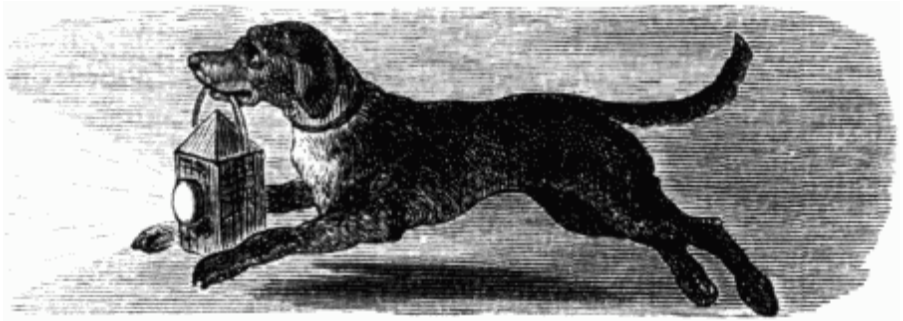
Но так как ее не приглашают войти в дом и занять свое прежнее место, то она и не подходит к хозяину. Живописец не понял эту чрезмерную деликатность, он никак не ожидал найти такое утонченное чувство деликатности в собаке-бродяге…

Однажды он вышел из дома в сопровождении подаренной ему более молодой и более красивой собаки. Забытая собака Мизер не удостоила мщением свою счастливую соперницу: она не напала на нее; но, бросивши на художника взгляд невыразимого упрека, негодования и нежности, молча удалилась… На другой день она с горя умерла.

Бемоль

Всем английским артистам известна история охотничьей собаки, принадлежавшей профессору брюссельской консерватории господину де Блезу. Случай с этой собакой, которую звали Бемоль, происходил в то время, когда еще не было железной дороги из Брюсселя в Париж и когда вместо восьмичасовой езды, как теперь, приходилось употреблять на это путешествие два дня и две ночи. Талантливый музыкант на кларнете, де Блез приехал в Париж усталый и разбитый. Он молча сидел в одном парижском ресторане, дожидаясь завтрака и досадуя на то, что не мог достать в этом блестящем городе кружки хорошего пива. В особенности же он скучал по своей собаке, которую он привык видеть ежедневно возле себя во время завтрака и обеда. Да он не прочь бы был и похвалиться умом своего Бемоля перед своими парижскими друзьями. Окончив завтрак, он пил кофе, задумчиво перемешивая ложечкой куски сахара в своей чашке. Вдруг он почувствовал на своих коленях чьи-то лапы — то были лапы Бемоля. Он прибежал из Брюсселя в Париж и сумел отыскать своего хозяина в этом большом городе. Нечего говорить о том, как Бемоль утешил и обрадовал де Блеза своим неожиданным появлением.

II
Собака — лучший слуга человека



Собака — не только лучший друг человека, но и толковый слуга его. Она легко выучивается исполнять то, что обыкновенно исполняют наши слуги: лакеи, сторожа, дворники, пастухи, няньки и проч.; может помогать повару в изготовлении обеда, полицейскому в отыскивании воров и убийц. Собака являлась слугой и в пожарной команде, и в шайке контрабандистов. В хижине лопаря простые северные собаки заменяют нянек, укачивая детей в колыбели. Наша овчарка — это самый бодрый, честный и нетребовательный пастух. Сильные и храбрые бульдоги или меделянки служат сторожами при наших домах, оберегая наше имущество и нас самих. Пуделя чрезвычайно добросовестно исполняют обязанности проводников у бедных слепых людей. В темную ночь собака может служить вместо дворника, выбегая с фонарем в зубах, чтобы освещать дорогу всем входящим в дом или выходящим из него.

Взяв на себя обязанность бегать, видеть, слышать и чувствовать для человека, собака вполне подчиняется ему, готова исполнять все его приказания, но только требует справедливости. Если мы видим иногда между собаками слуг ленивых, злых, коварных или вороватых, то в этом прежде всего следует винить человека, который грубостью и несправедливыми требованиями всегда только портит добрые нравы своих лучших слуг.

Как же собака может быть толковым слугой, если она не понимает человеческой речи? Да кто же может думать, что собака не понимает слов своего господина? Нет, собака понимает и даже очень хорошо понимает слова своего хозяина. Однажды был такой случай. Маленькая девочка капризничала, не слушалась матери и не хотела идти за своей шубкой. «Тогда ее принесет Шерль», — сказала мать. И собачка Шерль действительно сбегала и принесла шубку капризницы. И много, очень много можно

привести примеров тому, что собаки понимают слова, голос, движения и приказания своих господ.

Собака-контрабандист

Контрабандистами называют людей, занимающихся тайным провозом чрез границу разных товаров, не оплачивая их пошлиной. Это ремесло крайне опасно, потому что всякий контрабандист, пойманный на месте преступления и старающийся спастись бегством, может быть застрелен солдатами, служащими при таможнях. Чтобы удобнее, лучше и безопаснее провозить товары (шелк, кружева, часы, сигары и пр.), контрабандисты воспитывают для этого особую породу собак, *догов*. Это собака-контрабандист. Она также занимается непозволительным делом и также подвергается ежеминутной опасности быть убитой. Но можно ли винить собаку за ее порочные действия в этом случае? Собака — животное честное, она смотрит на человека с доверием и покорностью, даже с поклонением. Она не может думать, чтоб друг ее, руководясь корыстными целями, возложил бы на нее исполнение нечестных обязанностей. Собака, занимающаяся контрабандой, может ли знать, что она занимается непозволительным делом?… Исполняя волю своего хозяина, она прилежно изучает ремесло контрабандиста, употребляет весь свой ум, всю свою осторожность на то, чтоб ловчее переносить чрез границу ящики с товарами, не подозревая, разумеется, что действует

противозаконно. Она знает только, что несет имущество, принадлежащее ее хозяину, и что на ней лежит обязанность защищать это имущество и жизнь своего господина.

Против собак контрабандистов таможенная стража употребляет, кроме пуль и кусков мяса, пропитанных ядом, еще особых собак, тоже из породы догов.

Ввиду ремесла контрабандиста, собака его должна отличаться особенными качествами. Прежде всего она должна быть на высоких ногах и с тонким туловищем. Это нужно для того, чтобы возможно было побольше навязывать на нее кружев или привешивать ящики с товарами к ремню, идущему вокруг туловища. Собака-контрабандист должна иметь хвост очень короткий: длинный хвост, торчащий кверху, мог бы выдать собаку в то время, когда она пробиралась бы между густой травы. Слух, обоняние, зрение и память местности должны быть превосходными. В еде она должна быть крайне воздержана, так как, пробираясь из страны в страну, контрабандистам приходится избирать окольные пути, проходить густыми лесами, через горы и прятаться в пещерах еще задолго до того времени, когда им придется переходить границу. В таком трудном пути контрабандистам часто приходится голодать, а с ними вместе должны терпеть голод и их верные собаки; но как бы ни томил голод собаку контрабандиста, она редко соблазнится лакомым куском мяса, услужливо положенным на тропинке каким-нибудь таможенным солдатом. Собака контрабандиста должна быть сильна, храбра и отважна на случай встречи с собаками, принадлежащими таможенной страже.

Вот какова должна быть собака-контрабандист, и она действительно таковой существует. На границах между Францией и Бельгией, между Францией и Испанией, между Францией и Швейцарией ежедневно проходит более 20 000 таких собак, переносящих контрабанду. Собак провожают их хозяева, контрабандисты, вооруженные посохами с железными наконечниками и хорошими ружьями.

Во Франции существуют целые деревни, жители которых занимаются воспитанием собак для контрабандистов.

Малин

Малин — так звали пуделя, принадлежавшего одному французу-контрабандисту. Сперва, будучи очень бедным человеком, контрабандист пробирался чрез границу из Бельгии во Францию пешком, сопровождаемый своей собакой; потом,

разбогатев, он стал уже ездить в собственном дорогом экипаже, но собака его по-прежнему бежала за ним или впереди него. У контрабандиста был теперь свой хороший дом, семья его жила в довольстве и даже роскоши, не было и следа прежней бедности и нищеты. Таким богачом он сделался чрез каких-нибудь пять-шесть лет.

Тут явились завистники. Стали они доискиваться причины появления у него такого большого состояния. Один из его приятелей, тоже контрабандист, узнал прежде других, что друг его всем своим богатством обязан своей собаке, пуделю Малину. Скоро явился и тайный донос в таможне, что «большой и толстый белый пудель — самый ловкий и самый вредный контрабандист». Стали следить, но белого пуделя не видели. Появлялись и проходили чрез таможню черные и других цветов пуделя, но белого не было. Тогда снова был сделан донос, что пудель-контрабандист по-прежнему продолжает переносить под шкурой дорогие кружева, но что шерсть на этой шкуре бывает теперь различных цветов; что это проделка контрабандиста, который подкрашивает надетую на пуделя шкуру в разные цвета.

Таможенная стража стала внимательнее следить; образовалось что-то вроде травли не только на пуделей всех цветов, но и вообще на всех собак, появлявшихся у таможенной заставы.

Малин очень искусно пробирался то между ногами прохожих, то между колесами экипажей, то прокрадывался ко рву, наполненному водой, и переплывал его, — и таким образом, не будучи замечен, переходил границу.

Исполнив трудное поручение, Малин укрывался в назначенном ему месте и поджидал хозяина-контрабандиста. Хозяин являлся, перерезывал нитки, которыми была сшита по швам шкура, снятая с умершего пуделя и надетая на гладко остриженного живого Малина, снимал дорогие кружева, которые были намотаны на теле пуделя, и затем отправлялся со своим товаром в Париж и другие города Франции. Торговля дорогими кружевами и доставила контрабандисту огромное состояние.

Малин наконец был замечен и застрелен в ту минуту, когда он переплывал ров.

Узнав о смерти пуделя, хозяин его воскликнул: «Я бы отдал все мое состояние, чтобы возвратить жизнь этой собаке. Нет, это была не собака, а кадка с золотом!..»

Плутон

Глядя на суровый и грозный вид *бульдога,* трудно и предположить, что он мог быть другом нашей семьи, а между тем это так. Он только страшен для чужих, а к своему хозяину бывает привязан и иногда настолько услужлив, что берется за исполнение даже несвойственных ему обязанностей, как, например, подавать туфли или носить зонтик. Особенная манера бульдога с трудом выпускать изо рта то, что он взял, делает в этом случае его услуги непригодными к делу. Защищать своего хозяина и оберегать дом — вот к чему особенно способен бульдог.

Близ Пуасси у графа де Буасье (в 1774 г.) был бульдог, страшный для незнакомых и послушный одному лишь своему хозяину.

Когда случалось кому-нибудь гостить в этом имении несколько дней, то часто очень опасно было проходить по двору вечером или ночью. Если перед тем, как спустить бульдога с цепи, де Буасье подзывал собаку и, указывая на гостя, говорил: «Плутон, этот господин — мой приятель, будь же вежлив к нему», то приезжему нечего было опасаться. Без этого же короткого предупреждения собака могла бы при встрече с гостем загрызть его.

Когда де Буасье уезжал куда-нибудь, то ставил друг против друга своего главного управляющего и собаку и приказывал таким образом: «Плутон, этот господин остается вместо меня на время моего отсутствия, так ты должен слушаться его». Собака после этого повиновалась управляющему точно так, как и графу. Но на другой день, по приезде хозяина, управляющий не имел уже власти над ней и напрасно стал бы приказывать ей или

удерживать от нападения на кого-нибудь.

Квэль

Английский *такс* по имени Квэль служил при лондонской пожарной команде. Будучи небольшого роста, он, однако же, отличался необыкновенной силой, ловкостью, подвижностью и отвагой. Принятые на себя обязанности Квэль исполнял с удивительной энергией и добросовестно. Едва только раздавался звонок к сбору команды, как Квэль первым уже являлся возле своей пожарной машины. После второго звонка он вскакивал на машину и мчался на пожар. Готовность помочь в беде была так сильна, что собачка иногда соскакивала со своего места и, перегоняя команду, громким лаем давала знать, что вот-вот вслед за ней летит и помощь. Прибыв к месту пожара, Квэль

немедленно принимался за дело, вытаскивая горящие головни из огня и разбрасывая их по сторонам. Делал Квэль это с удивительной быстротой и неустрашимостью. Много раз он получал ушибы и опасные раны во время суматохи и разрушения, но это нисколько не охлаждало его рвения к службе. Изломав и искривив свои и без того кривые ноги, такс все-таки не просился в отставку, на покой. Благородный такс не мог не разделять опасные труды тех, которые любили его. Он не мог забыть и того внимания, которое оказывали ему служащие при пожарной команде во время его болезни. Вот почему каждый раз после своего выздоровления Квэль усиливал свое рвение, лез, что называется, из кожи, чтобы угодить своим товарищам. Казалось, что такс хотел доказать людям, что и собаки его породы могут быть признательными и благодарными. И вот однажды, усердствуя чрез меру, Квэль получил на пожаре опасные ожоги и слег в постель. Все служащие ухаживали за ним поочередно и надеялись, что такс еще может поправиться… Вдруг — новая тревога! Квэль, забыв свои раны, быстро вскакивает и торопится к машине, пробует взобраться на нее, но падает на землю и тут же умирает. Вот что значит умереть на службе!

Из кожи такса было сделано чучело, которое и хранилось в казарме. А после смерти одного из пожарных служителей чучело собаки было продано с публичного торга в пользу вдовы умершего за 120 фунтов стерлингов.

Семп

На этой фермерской собаке лежала особая обязанность — надзирать за курами, которых она защищала с чрезвычайной горячностью от лисиц, хорьков и других врагов. Каждый вечер этот добросовестный сторож просовывал голову в отверстие в курятнике, чтобы удостовериться, все ли птицы дома. Считал ли он их? Не смею утверждать этого, а между тем… Однажды в отсутствие собаки фермер продал трех кур проезжему торговцу, который увез их с собой.

Не предупрежденный об этом, строгий сторож вечером после обхода просовывает голову в отверстие… «Что это значит? У меня не хватает трех кур?» И он принимается бегать, рыщет по всей деревне, по всем улицам, площадям, осматривает окрестность и вдруг натыкается на торговца, спокойно удаляющегося со своим товаром. Собака бросается на телегу, схватывает клетку, в которой находились эти три курицы, освобождает их и торжественно приводит в курятник. Можете себе вообразить, как

был поражен торговец, ничего в этом не понимавший. Узнав об этом происшествии, фермер дал себе слово не заключать более подобных торговых сделок, не испросив предварительно разрешения у своей собаки.

Пиллер

Пиллер, маленькая собачка из породы *пинчеров-обезьян,* была, если можно так сказать, красива своим наружным безобразием. Над ней смеялись, трунили, советовали причесывать свои волосенки, но всем нравилась ее веселость и подвижность, нежность и преданность друзьям. По нравственным качествам она была, пожалуй, одна из самых лучших собачек. Жила она или, лучше сказать, служила при лондонской полиции, куда попала с той минуты, как была вырвана полицейским служителем из-под лапы огромного водолаза. Не будь этой защиты, не жить бы умнице Пиллер! За такое заступничество, за защиту слабого перед сильным это маленькое животное почувствовало большую благодарность к своему спасителю, а затем и ко всем членам полиции. При всякой встрече с полицейским бойкая собачонка выражала свою радость прыганьем и беготней около него, подниманием своей смешной морды, чтоб взглянуть в глаза служителю полиции и вызвать на угрюмом лице его веселую улыбку. Видя такое доброе расположение животного, хранители Лондона в свою очередь обращались с Пиллер ласково и любезно. Собачка следовала за полицейскими, куда бы они ни

отправлялись, оставалась по целым ночам вместе с ними в караульнях, развлекая их своей веселостью и смешной фигуркой, вечно снующей из стороны в сторону; при случае помогала своим друзьям отыскивать нарушителей общественного порядка. Она любила всей душой полисменов при их жизни и принимала самое живое участие в поисках, если убивали кого-нибудь из них. Старания ее при отыскивании следов убийцы полисмена Деме обратили на себя внимание даже судебных следователей.

Присутствуя на похоронах Деме, следуя за его гробом, собачка не была, по обыкновению, резва и шумлива. В этом маленьком теле было доброе сердце, хотя и оно, возмущаясь человеческими поступками, относилось иногда нелюбовно к некоторым людям. Так, однажды собачка, встретив в вагоне ненавистного ей господина, тотчас же вышла вон и стала поджидать следующий поезд. Она предпочла лучше выждать полчаса, чем ехать в одном обществе с дурным, по ее понятию, человеком…

Муфтий

Все знают историю Муфтия, бедной собаки, которая, путешествуя со своим господином (Палесо), ехавшим верхом на лошади, замечает, что мешок с деньгами, привязанный к седлу, отвязывается и падает на землю. Она остановилась и залаяла; хозяин между тем продолжает ехать вперед. Она снова лает, но хозяин продолжает свой путь, вследствие беззаботности ли, рассеянности или недогадливости. Бедное животное в негодовании, или скорее в отчаянии, забегает вперед и делает вид, что кусает лошадь, для того чтобы заставить хозяина остановиться; тогда хозяин, на этот раз уже не бестолковый, а жестокий, схватывает пистолет и стреляет в собаку, которую счел, как он впоследствии говорил в свое оправдание, внезапно сбесившейся.

Бедное смертельно раненное животное застонало и кое-как потащилось обратно по дороге, только что пройденной. Тогда всадник, чувствуя раскаяние, слезает с лошади и следует за собакой. Путеводной нитью служат для него кровавые следы. Через несколько минут ходьбы он находит на дороге, подле своего мешка с деньгами, бедную собаку, которая бросает на него последний взор преданности и издыхает у его ног.

Коча

В 1821 г. в снежных пустынях Сибири суровая зима затянулась на целые десять месяцев. Полудикие народцы, живущие в этих негостеприимных местах, терпели большой голод, а вместе с ними еще более голодали единственные и неизменные их слуги — собаки. В это время они были лишены даже обыкновенной своей скудной пищи, заплесневевшей и сухой рыбы. На земле, одетой вечным снегом и укрытой тусклым небом, раздавался страшный, протяжный вой и плач собак. Они толпились вокруг лачужек, прося своей доли за отяготительные работы. Побуждаемые страшными мучениями голода, собаки становились разбойниками, врываясь в кладовые своих хозяев и поедая там все, что только было сделано из кожи. Но и это не спасло злополучных собак от страшного падежа. В это время в одном семействе погибли все собаки, кроме двух еще слепых щенков. Бедная женщина, мать семейства, принесла в свою

хижину этих осиротелых щенков и делила свое грудное молоко между ними и своим новорожденным младенцем.

Одного из этих щенков назвали Коча. Из него вышел умный и сильный пес. По наружности своей он был очень похож на волка, но это не мешало ему быть самой преданной своему хозяину собакой. Коча скоро выучился возить санки, а затем сделался самым лучшим вожаком (передовой собакой). Впрягаясь в санки, Коча, хотя и чувствовал, что человек несправедливо поступает, заставляя собаку нести такую службу, которая не свойственна ее натуре, но никогда не пытался мстить своему хозяину за такое насилие. Напротив, всегда предупреждал, если чувствовал, что их ждет в дороге буря или снежная метель. Не умея говорить, Коча разгребал снег своими лапами, и хозяин его знал, что хочет этим сказать ему его собака. Однажды хозяин не обратил почему-то внимания на такую примету и пустился в путь. Не прошло и часа, как поднялась метель, и он вместе со своими собаками сбился с пути и должен был остановиться среди безграничной снежной пустыни, а это значило замерзнуть и погибнуть. Но с ним был его верный пес и добрый предводитель собачьей своры. Это был умный вожак, умевший заставить всех своих подчиненных повиноваться ему, исполнять его волю. Когда Коча лег возле своего хозяина и стал его обогревать своей шкурой, то то же самое поспешили сделать и другие длинношерстные четвероногие бегуны.

Когда пришлось снова двинуться в путь, то хозяин отказался от начальства над своей сворой и поручил это дело своему верному другу. «Ты опытный вожак, — сказал он, — да у тебя к тому же крепкие ноги и отличное обоняние — вези же меня, мой добрый слуга, к моему семейству. Ты один знаешь, как найти дорогу в этой ужасной степи, где нет никакой растительности, ничего такого, что могло бы служить мне приметой в дороге».

Собака-вожак любила, чтоб ее называли по имени, говорили бы с ней ласково и, Боже избави, не употребляли бы кнута! Стоя в упряжке во главе стаи, Коча обернул немного свою голову назад, чтоб показать хозяину, что он слышал приказание, — и тотчас же бросился вперед с быстротой урагана, точно радуясь такому поручению; за ним последовала вся свора, поднимая за собою снежную серебристую пыль. Долго летели санки по необъятному снежному простору и, наконец, достигли лачужки. Коча благополучно со спокойной совестью доставил домой своего хозяина.

Когда Коча умер от старости и изнеможения, то шкура его продолжала согревать хозяина, как согревала его и прежде, при жизни своей, в дороге во время метелей и жестоких морозов.

Брильян

Брильян жил в Париже. Он сперва исполнял в доме обыкновенные обязанности собаки-сторожа, потом повысился чином — и сразу перескочил пространство, отделяющее конуру от прихожей: он сделался «нарочным», «посыльным», доверенной собакой.

Поутру Брильян, подняв голову и гордо держа в зубах корзинку, отправлялся, во-первых, к булочнику, который, веря его честности, отдавал ему хлебы для его господ. Исполнив это, неутомимый рассыльный принимался за исполнение других поручений.

Брильян со своей неизбежной корзинкой отправлялся по простому словесному приказанию сначала в мелочную лавку, потом в овощную, в винный погреб, куда уносил пустую бутылку,

а приносил ее наполненной, предварительно посмотрев, как ее наливают и тем ли наливают, чем следует.

Ничего не могло быть забавнее и вместе с тем интереснее, как видеть Брильяна с письмом или несколькими письмами в зубах. Он становился на задние лапы под ящиком главной почты, одной передней лапой упирался в стену, а другой дергал за платье какого-нибудь прохожего и знаками просил его бросить письма в ящик, до которого он не мог достать сам.

Все свои обязанности Брильян исполнял в известном порядке, в известный час, без всякого наблюдения или указания и никогда не ошибался и не путался.

Нептун

У господина Проктера, жителя Лидса (город в Англии), была собака, которую он нашел на берегу моря и которая, по всем вероятиям, избегла смерти, спасшись вплавь с какого-нибудь погибшего судна.

Нептун — так назвал он эту собаку — не забыл сцены крушения: это легко можно было понять, видя, с каким отвращением он удалялся от воды. Наружность Нептуна не имела ничего привлекательного. Но, за неимением красоты, он обладал другими драгоценными качествами: верностью доброго слуги. Во время другого кораблекрушения недалеко от берега Проктер поспешил на место несчастья, чтоб подать помощь погибающим. Нептун был при нем. Подъехавши к берегу, лошадь Проктера, испугавшись страшного шума волн, оступилась и полетела в глубокую яму, покрытую водой. Проктер напрасно употреблял все усилия выбраться из этой могилы… Он два раза уже исчезал в воде и терял последние силы, когда собака, лаявшая до сих пор и как бы призывавшая на помощь, кончила тем, что с решимостью бросилась в воду, стараясь захватить своего хозяина за воротник одежды. К несчастью, одежда на Проктере была клеенчатая, по которой зубы собаки только скользили, но не могли ухватиться за нее. Проктер в третий раз стал тонуть! Вдруг у него явилась мысль ухватиться за хвост собаки. Он так и поступил. Тотчас же собака, спасающая его, принялась бодро плыть по направлению к берегу, достигла его с чрезвычайными усилиями и, наконец, вытащила из воды почти бесчувственного своего хозяина.

Проктера перенесли в гостиницу, где и подана была ему должная помощь. В продолжение этого времени собака лежала у его постели и ни на минуту не отходила от него.

Со дня этого происшествия и до последней минуты ее жизни

собака сделалась как бы владельцем своего хозяина: никогда она не отпускала Проктера одного. Когда в прогулках Проктеру приходилось переходить воду, Нептун всегда шел впереди, чтобы выведать дорогу.

Часто ли мы встречаем между двуногими нашими слугами такую преданность, заботливость и благодарность?

Афинская собака

Одна собака сторожила храм в Афинах. Увидав вора, уносившего лучшие драгоценности, она сперва лаяла на него очень сильно, но все-таки не могла разбудить сторожей. Видя, что она не может остановить вора, пошла за ним и шла в продолжение всей ночи. С наступлением дня она несколько отстала от вора, не теряя, однако, его из виду. Когда он давал ей есть, она не брала, тогда как махала хвостом всем, кого встречала дорогой, и брала еду из рук прохожих. Когда вор останавливался на ночлег, собака ложилась неподалеку.

Этот случай дошел до сведения церковных сторожей. Они отправились на поиски собаки, расспрашивая, по какой дороге она бежала. Наконец они нашли в городе Кролиоте и ее, и вора, которого привели в Афины, где он был казнен. Судьи из благодарности собаке распорядились, чтобы народ давал известное количество мер ржи на ее продовольствие, и приказали жрецам заботиться о ней.

Спрашиваем: могла ли эта сторожевая собака следить за вором, если бы находилась на цепи? Разумеется, нет!

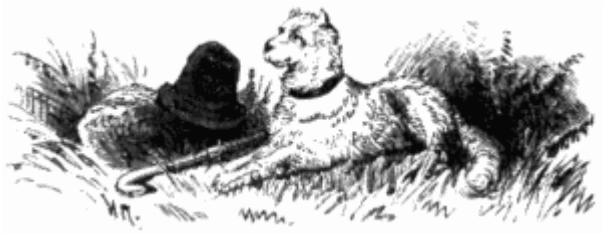
Собака на привязи и сама беззащитна, и хозяев своих защищать не может. А какое мучение должен испытывать этот добрый слуга, живя постоянно на цепи у своей конуры!..

Шеп

Все овчарки вообще принадлежат к числу самых полезных слуг человека и за то всего хуже содержатся своими хозяевами… Есть страны, как, например, горная часть Шотландии, где без овчарок невозможно бы было управляться людям со стадами овец. Шотландские овчарки поистине превосходные животные. Они в короткое время выучиваются понимать каждый знак и взгляд своего хозяина, буквально понимают каждое слово его. Поручения своего хозяина исполняют с большим самоотвержением.

В Шотландии особенно прославилась своим умом и верностью *овчарка* Шеп. Пастух часто поручал ей одной пасти все стадо овец в течение дня и был совершенно покоен за целость своего имущества. И действительно, вечером Шеп пригонял все стадо овец, и в совершенной исправности. Однажды пастух оставил Шепа стеречь пролом в загородке, окружавшей овчарню, чтоб овцы не могли выбежать и уйти в горы. Сам же пастух пошел повидаться со своими приятелями. Захлопотавшись, он забыл о собаке и о том поручении, которое он возложил на нее. Когда же на другой день пастух возвратился домой, то нашел собаку, все еще стерегущую пролом, хотя полумертвую от холода и голода. Во всю ночь собака не сходила с места и не спала, а потому ни одна овца не осмелилась выйти из-за перегородки. Если какой-нибудь сильный баран пробовал выбежать на свободу, то Шеп просто кусал его за задние ноги; ягнят же или кормящих овец он ни под каким видом не кусал, а только пугал их, готовясь как будто укусить их. Те пятились назад и спешили возвратиться на свое место.

Шеп умер на двенадцатом году своей полезной жизни к великому огорчению своего хозяина-пастуха.



III
Охотничьи собаки

В давние времена, гораздо, гораздо раньше потопа, во времена младенческого состояния человеческого рода людям, еще слабым и беспомощным, пришлось вести трудную войну с дикими зверями. Из всех животных плотоядных одна собака, наделенная высшими душевными качествами (дружелюбием и самопожертвованием), пристала к человеку и пошла с ним на врагов его. Время показало, что эти первые друзья человека помогли ему приобрести на земле господство над всеми хищными зверями. Собака помогала человеку добывать и пищу, охотясь вместе с ним за разными четвероногими животными и птицами. И все это она выполняла с большой охотой, будучи сама по природе своей страстный охотник. Эта страсть к охоте и до сих пор сохранилась у некоторых собак, которые потому и называются охотничьими (борзые, гончие и легавые). Бывали случаи, что гончие собаки, не изловив кабана или оленя в течение восьмичасовой травли, решались, голодая, провести ночь около

зверя, чтоб с рассветом снова пуститься за ним. Охотничьи собаки, видимо, скучают, если их редко водить на охоту. Потеряв терпение, собаки нередко сами уходили на охоту в поле или на болото и проводили там по несколько часов в приискивании и поднимании дичи. Для такой цели соединялись иногда собаки различных пород, например, легавая с борзой. Легавая, как одаренная хорошим чутьем, отыскивала дичь, борзая, не имеющая хорошего чутья, но одаренная хорошим зрением и быстрыми ногами, нагоняла и ловила дичь.

Самую многочисленную семью между охотничьими породами собак составляют борзые. Английские борзые славятся быстротой своего бега. Лучшей из английских гончих считается лисья собака. Английские вельможи иногда занимались воспитанием этой собаки гораздо усерднее, чем всякими другими делами. За английских легавых собак платят огромные деньги. Так, например, за молодого пойнтера Фауста было заплачено на выставке 1878 г. 2730 фунтов стерлингов. Цена хорошая для всякого животного!..

Синяя Шапка

Синяя Шапка — так звали знаменитую английскую *лисью собаку*… В ней были соединены вместе все хорошие качества других собак: тонкость чутья кровяной, ум пуделя, быстрота бега борзой, храбрость бульдога. Раз на беге эта собака пробежала расстояние почти в $4^1/_2$ английских мили в восемь минут и несколько секунд, а скаковая лошадь Фляинг-чильдрс, бежавшая в том же направлении, опередила ее только полминутой. Если принять в соображение физическое устройство животных (говорит Брэм), то Синяя Шапка оказалась гораздо быстрее на бегу, чем знаменитая непобедимая лошадь Фляинг-чильдрс.

Мак

При встрече с Маком как-то невольно чувствовалось, что это действительно настоящая собака, все равно как при встрече с человеком, выдающимся из толпы, невольно говорится: «Да, вот это человек!»

Мак был легавая собака английской породы, *пойнтер;* голова у него была средней величины с резким переломом при основании лба. Глаза желтоватого цвета, и на этом желтом фоне черный зрачок, сверкавший огнем страсти. Имея *верхнее чутье,* он искал дичь галопом, а причуяв ее, как будто окаменевал в неописанно картинной стойке.

Истинные охотники приходили в крайний восторг, глядя на живые, быстрые и в то же время размеренные движения этой собаки. Любуясь поиском Мака, каждый охотник переживал более приятные и сильные ощущения, потому что самые впечатления были живее и быстрее.

Мак легко боролся с усталостью там, где всегда отказалась бы всякая другая легавая собака, потому что он (как и все пойнтеры) был всегда хорошо подкован, т. е. лапы его были снабжены толстой, плотной подошвой, благодаря которой он не так часто и не так сильно их растирал. Мак мог легко работать и с совершенно растертыми ногами, и при этом нисколько не остывал его обыкновенный пыл. Продолжая работать с растертыми ногами, этот бесшабашный удалец чрез несколько дней поправлял дело и вырабатывал себе такие подошвы, которым позавидовал бы любой сапожник. Случалось охотиться с

Маком по тридцати дней кряду, изо дня в день, — и чем больше бегала эта собака, тем она как будто становилась сильнее и настойчивее. Сытный ужин, крепкий сон — и наутро Мак снова бодр, как и в первый день охоты.

Все пойнтеры вообще избегают воды, с ними нельзя охотиться в болотах, но Мак почему-то любил купаться и лез в воду при всяком малейшем удобном и неудобном случае. Много раз видели, как эта собака без всякой нужды, никем не побуждаемая, гонялась вниз по реке Сене в Париже за каким-нибудь кусочком дерева, проплывая таким образом по полмили. Охотно переплывал реку поперек и выходил на другом берегу, и тоже без всякой нужды, только из любви к купанью. Наконец, благодаря этой водяной страсти, для которой не создала его природа, Мак схватил простуду и стал испытывать страшные мучения от ревматизма, поразившего и сердце. Бывало, скачет он в поле полным галопом и вдруг останавливается, ложится, вытягивается на бок и замирает без всякого движения на несколько минут, не издавая при этом ни малейшего жалобного стона. Потом поднимается и снова скачет во всю мочь, как ни в чем не бывало.

Тир

Легавая собака Тир, ходившая обыкновенно со своим хозяином каждое воскресенье в Шарантон, была однажды, к ее огорчению, оставлена дома. Она подумала, что такую шутку сыграли с ней только в этот раз, а потому покорилась! Но так как в следующее воскресенье ее опять заперли, то она поняла, что это, пожалуй, будет делаться всегда, а потому приняла со своей стороны меры, чтобы вперед этого не было. Она ушла в субботу вечером и ждала хозяина в Шарантоне, где он и нашел ее, пришедши туда в воскресенье.

Мог ли человек рассуждать вернее!

Наян

Борзые собаки считаются животными себялюбивыми, а потому и неспособными к искренней привязанности. Дурная слава о нравственных качествах этой охотничьей собаки получила свое начало с борзой, принадлежавшей английскому королю Эдуарду III. Эта собака в самую минуту смерти короля убежала и стала ласкаться к его врагам. Справедливо ли такое мнение вообще о всех борзых собаках, того мы не знаем, но что между ними часто попадаются злые и коварные, тому можно найти много примеров в истории знаменитых собак. Не обладая большим умом, они часто хитрят, и так искусно, что обманывают даже самых наблюдательных людей.

У какого-то парижского охотника была *борзая* собака по кличке Наян. Однажды лакей того охотника наказал за что-то собаку своего хозяина и, быть может, не совсем справедливо. Борзая рассердилась не на шутку и вздумала отомстить своему неприятелю. Она пустилась на хитрости.

Вечером, когда хозяин ее сел за стол, чтоб насладиться вкусным обедом, он был вдруг встревожен болезненным криком Наяна. Собака продолжала испускать учащенные крики, точно получила сильный ушиб. Охотник подумал, что слуга его по неосторожности наступил на лапу собаки и причинил ей такую ужасную боль.

«Скотина! Дурак! Болван! — закричал он. — Я тебя прогоню, если ты будешь топтаться по лапам Наяна». — «Но сударь, клянусь вам…» — начал было слуга. — «Молчать! И прошу в другой раз быть внимательнее!»

На другой день во время завтрака повторяется тот же крик, и собака с воем убегает из комнаты. «Ты это делаешь нарочно, — закричал горячий охотник. — Ты, видно, не дорожишь своим местом». И долго еще бранил хозяин своего слугу.

На третий день вечером Наян снова издает крик и убегает вон из комнаты. Хозяин хотел было осмотреть лапы своей собаки, но она так спряталась, что ее не могли отыскать. «Теперь изволь убираться из моего дома», — сказал обиженный охотник.

«Убедительно прошу вас, сударь, — говорил лакей, — наблюдайте за вашей собакой. Это она лукавит, желая отомстить мне за то, что я ее наказал». — «Как? — спросил недоверчиво охотник. — Ты думаешь, что Наян хитрит?» — «Я вас прошу, сударь, прежде чем отказать мне от места, убедитесь сперва сами в том, что я не наступал на лапы Наяна».

Охотник стал наблюдать и, действительно, уличил свою собаку в ту самую минуту, как она вздумала было прикинуться обиженной. Громким неумолкаемым смехом разразился охотник. Наян удивленно остановился. Видя же, что лакей не получил выговора, вздумал было прикинуться хромым, потащил за собой как бы больную лапу. Новый громкий смех окончательно сконфузил Наяна. Собака молча легла у ног своего хозяина и с тех пор не повторяла своих штук.

Каракуш

Каракуш была маленькая *борзая собака арабской породы* и принадлежала Али-паше, потомку одной из древнейших арабских фамилий в Алеппо. С этой борзой хозяин ее ходил не только на лисиц, зайцев, газелей, но и на пернатую дичь. Каракуш умел ловить дроф и гусей. А чтобы помогать этой собаке в ее довольно странной охоте, прибегали к следующей хитрости: размочив горох или зерна маиса в водке, разбрасывали их в тех местах, куда птица имела обыкновение приходить на кормежку. Благодаря такой уловке дрофы и гуси напивались пьяными. Тогда выпускали на них быстроногого Каракуша, который и производил уже страшную бойню. Собака до такой степени привыкла уже к подобной охоте, что нередко брала и трезвых дроф, в особенности ранним утром, когда крылья птицы бывают мокрыми от ночной росы, так что дрофы, прежде чем взлететь, пробегают по земле пространство шагов в пятьдесят, — этим-то моментом, собственно, и пользовалась борзая: тут ей часто удавалось схватить и трезвую птицу.

Генерал Бем (Мурад-паша) после венгерской кампании 1849 г. поселился на житье в Алеппо. Тут он увидал Каракуша и пожелал приобрести себе эту живую, ловкую, нестомную собаку, но Али-паша не продавал ее. Однако же через несколько времени он предложил ее в подарок генералу Бему. Взамен Каракуша Бем

подарил Али-паше изящную венскую карету с полной упряжью.

Каракуш был отправлен в Константинополь и подарен Садык-паше (Чайковскому). Старые охотники поляки тотчас же подняли на смех эту малорослую борзую, говоря, что она годна разве лишь для того, чтоб ловить мух; но при первой же пробе на охоте насмешка перешла в восторг, выразившийся крайней нелепостью и жестокостью. Так, Скиндер-паша (Ильинский) воспылал таким негодованием к своим борзым, бывшим тоже на охоте, что велел повесить одиннадцать собак, восклицая, что теперь, после того, как Каракуш показал, что такое настоящая борзая, четвероногих, подобных тем, которых он прежде так холил, а теперь приговорил к смерти, стыдно называть именем борзых и они не должны существовать на свете…

В первую свою охоту на Балканском полуострове Каракуш взял в одиночку пять зайцев, двух лисиц, одного шакала и задержал волка. Эта собака была действительно замечательна: она никогда не уставала. Прослужив Садык-паше десять лет, Каракуш стяжал себе славу во всей Румелии и в особенности в Болгарии, где собаку эту знали почти все поселяне.

В 1870 г. Абдул-Керим-паша, тот самый, что проиграл в 1854 г. сражение при Чурук-су и Куру-дере, страстный охотник, имевший отличнейших борзых, охотился однажды близ Шамуля за зайцем, который до тех пор увертывался от всех преследований, пока не скрылся за мельницей. Старый турок, работавший вблизи от места охоты и видевший, как убегал заяц и как он скрылся, прямо обратился к паше с такими словами: *«Вы напрасно охотитесь за этим зайцем — догнать и взять его может только орел да Каракуш Садык-паши».*

Блэк

Черный английский *сеттер* по имени Блэк поражал всех гордостью осанки и изяществом сложения. Внутренние качества соответствовали красивой его наружности. Шерсть на Блэке была длинная, шелковистая, лоснящаяся, черная как смоль. Он, казалось, был вылит из стали и выкован из железа. Блэк мог замучить ходьбой с полдюжины скромных и тихих охотников, но его собственная страстность и пылкость могла иссякнуть только вместе с силами, потухнуть вместе с жизнью. Короче сказать, эта собака охотилась до конца, всегда и везде, никогда не рассчитывая сил, со страстью, доходившей до самозабвения. Блэк побывал в течение своей тринадцатилетней жизни во многих местах Европы, охотился и в Англии, и в Германии, и в Венгрии, в

придунайских болотах и всюду удивлял своей выносливостью и пылкостью. Жизнь свою пришлось ему окончить на родине, во Франции — и как окончить!.. Еще за час до своей смерти Блэк пробовал пуститься в галоп!.. Сделав последнюю свою стойку, из-под которой охотник убил двух куропаток, сеттер свалился с ног и скатился в овраг. Он умер на поле чести, умер на охоте самой славной смертью, которой может позавидовать любая собака самого благородного происхождения. Напрасно старался охотник побудить собаку следовать за собой, чтоб дойти до ближайшей фермы, находившейся в нескольких шагах от места происшествия, — Блэк продолжал лежать. Тогда хозяин сел возле своего верного товарища и слуги. Собака положила ему голову на колени, устремила на него свой уже потухавший взгляд и оставалась так минут с десять неподвижно; затем тело ее содрогнулось от конвульсий — и страстного охотника не стало!..

Все те, которые требуют от собаки тихих ласк и разных нежностей, никогда не поймут прекрасных свойств, которыми обладала эта собака, никогда не поймут и глубины того горя, которое испытал хозяин Блэка, расставшись навеки со своим другом. Блэк был создан не для того, чтоб служить комнатным украшением, покоиться на мягких, роскошных коврах. Его редко ласкали затянутые в перчатки руки, да он и не любил принимать таких ласк; но из этого не следует думать, чтобы Блэк был неспособен к любви и привязанности. Нет! Но он любил только своего хозяина и умер у него на руках.

Пинчер Петр

Существует целая группа маленьких, то гладкошерстных, то колючешерстных собак, которых англичане вообще называют пинчерами. Эта порода собачек страшна для мышей, крыс и кротов. Умственные способности у пинчеров очень замечательны. Между этими собачками находились такие, которые понимали значение денег, крали их, чтобы покупать себе что-нибудь съестное. Таким воровством отличался особенно пинчер Петр. Но он обижался, если его самого обманывали, и находил способ избавляться от обидчиков. Покупая постоянно на краденые деньги печенье в одной булочной, он перестал ходить туда после того, как ему вместо хорошего печенья подсунули подожженный сухарь. Петр сделался покупателем в другой булочной, на конце города.

Однажды за покражу жареного цыпленка повар наказал Петра — и пребольно! Вы думаете, что это его исправило?… Вовсе нет!

После этого собачка стала только осторожнее. Ежели в кухне была открыта одна дверь, то Петр ни за что не входил туда. Но если были открыты обе двери, то, имея выход для бегства, собачка непременно входила в кухню и похищала что-нибудь из съестного. Когда повар входил в одну дверь, Петр выбегал в другую со своей добычей.

Тайни

Почти все пинчеры отличаются особенной страстью к охоте за крысами, мышами и кротами, которых ловко вырывают из земли и тут же умерщвляют.

Пользуясь такой наклонностью пинчеров, англичане вздумали употреблять их для довольно омерзительной забавы — публичной травли крыс.

В Лондоне для такой забавы устраиваются огромные дворы, которые и служат ареной для борьбы собачек (крысодавов) с крысами. Сперва выпускают определенное число крыс, потом приводят собаку, которую обыкновенно взвешивают до начала травли. Зрители между тем считают минуты, употребленные собакой на ловлю крыс. Последние иногда довольно дорого продают свою жизнь. Самый знаменитый *крысодав* назывался Тайни. Ростом он был не более шести дюймов, весом не более

шести фунтов. Этому крысодаву удалось однажды задушить 50 крыс в течение 28 минут и 50 секунд. Сосчитано, что в продолжение своей жизни он убил более 5000 этих вредных грызунов.

Будучи мал ростом, Тайни, однако, был необыкновенно мужествен и храбр; он не смущался ни числом, ни ростом своей дичи и даже радовался, когда приходилось иметь дело с очень крупной крысой. Тайни был не только неустрашимым воином, но и искусным тактиком: он всегда начинал нападать на самых сильных и смелых крыс, после чего ему уже легко было справляться с другими, которые были помельче. В молодости этот пинчер бегал с такой быстротой, что невозможно было отличать головы от хвоста. В старости же (когда сошел со сцены) он располагался на лучшем месте и, как кошка, подстерегал крыс. Просидев час-другой у норок своих неприятелей, он редко возвращался в свою конуру недовольным. Зато и поплатился жизнью за свою страсть. Раз, сидя в запертой комнате, он услыхал, что за соседней дверью копошится крыса. Желание схватить ее в нем было так сильно, а невозможность исполнить это желание так огорчило его, что от волнения с Тайни сделалась горячка, которая и унесла его в могилу.

Тамырка

В камышах и кустарниках, покрывающих наши туркестанские степи, водится много разной дичи; тут же попадаются и кровожадные тигры. Будучи страстным охотником, молодой русский офицер пожелал помериться своей удалью и с этим хищником. Узнав, что офицер собирается идти на тигра, к нему присоединились еще двое. Один из них — солдат-сибиряк, другой — какой-то неизвестный человек в барашковом казакине. Офицер было попытал их насчет храбрости, что, мол, тигр шутить не любит, — так охотники даже оскорбились… Сибиряк заявил, что ходил один на медведя, а «барашковый казакин» сказал, что «тигра вовсе не страшный зверь».

Поехали. У каждого из охотников было по ружью. Впереди всех бежал и заливался громким лаем Тамырка, неизменный спутник охотника-офицера. Некрасива была эта *киргизская собака,* как бывают некрасивы вообще все домашние животные у ленивых и тупых киргизов; но русскому офицеру понравились зоркие глаза Тамырки, и он сумел привязать к себе это храброе животное.

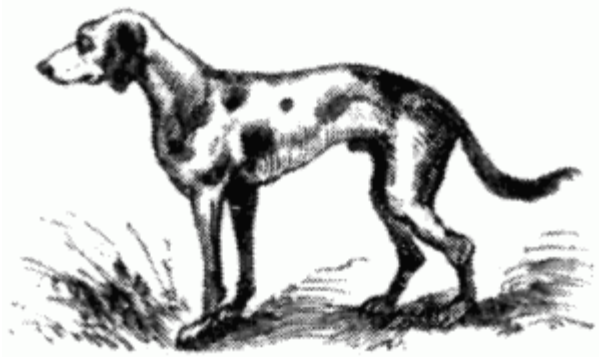
Когда охотники подъехали на киргизских клячонках к полуобглоданному остову быка, то заметили на снегу следы

тигра. Поехали по следу. Объехали кусты — выхода нет. Зверь, значит, в кустах. Надо послать собаку, решил офицер: «Тамырка, ищи там!» Тамырка бросился в кусты и принялся работать носом. Не прошло и минуты, как собака разразилась необыкновенным лаем. Охотники двинулись на лай Тамырки и вдруг, пораженные, остановились… Между двумя кустами торчала большая желтая с черными разводами голова и презрительно смотрела на Тамырку. Тигр лежал, весь закрытый кустами, выставив только голову, на великое смущение собаки, которая металась и не знала, что делать. Вот тигр переносит свои желтые блестящие глаза с собаки на офицера, подбирает передние лапы, прижимает уши и замирает… Заметив такое злое намерение тигра, Тамырка самоотверженно лезет к самой морде зверя. Казалось, он готов был вскочить в пасть страшилища, дать себя на растерзание, но чтоб только не смотрел этот зверь такими страшными глазами на охотника. Дерзость и натиск Тамырки доходили до того, что вынуждали тигра отмахиваться от собаки лапой, как от мухи. Когда назойливость собаки уж очень надоедала тигру, то он показывал ей свои неровные острые зубы — и Тамырка отскакивал прочь.

Наконец грянул выстрел, взвизгнула пуля!.. Взвилось полосатое тело в воздухе, метнуло хвостом и ринулось на офицера, выстрелившего из ружья и сделавшего промах. Тигр вышиб охотника из седла, и тот треснулся спиной на землю. На нем сидел тигр, плотно придавив грудь и плечи своими здоровенными лапами. Открытое лицо охотника было в нескольких вершках от страшной пасти поборовшего его зверя. Он не мог видеть ничего кругом, но зато слышал, как метался Тамырка, лаял и визжал, кидаясь на зверя со всех сторон.

Тигр, видимо, был занят собакой и делал легкие повороты, следя за ее прыжками. Так длилось с полминуты. Наконец тихо, осторожно поднял лапу тигр, переставил с плеча на грудь, уперся ею последний раз и сошел с охотника. Тигр (джульбарс) уходил тихими шагами все дальше и дальше, время от времени оглядываясь назад, как бы интересуясь тем, что станет делать теперь это бесстрашное создание. А Тамырка уж прыгал с радости и слизывал кровь с лица охотника.

Минут через пять охотник поднялся и оглянулся кругом: он был один со своей собакой. Храбрые его товарищи бежали, оставив офицера под лапами тигра. Они спешили к укреплению со своими неразряженными ружьями, чтоб рассказать об ужасной смерти офицера… Жалкие трусы!..



Каро

Случай, который мы сейчас расскажем, засвидетельствован многими достойными веры личностями. Он произошел в Германии, в замке одного принца, любившего охоту и имевшего на своем псарном дворе отличных легавых собак. Лучшей из его собак считалась Каро. С нею управляющий замком принца чаще всего любил ходить на охоту, несмотря на то, что собака принадлежала к числу так называемых «тихоходов». Искала шагом, скоро уставала, но на стойке держалась крепко. Это была самая хладнокровная из *немецких легавых* собак. Теперь, когда дичи стало меньше, такие собаки уже не ценятся, но в то блаженное время, к которому относится рассказ, дичи было всюду много, а потому быстрота поиска вовсе не требовалась, напротив,

ценилась собака самая «степенная», то есть возможно больший тихоход. Возвратившись однажды с охоты, управляющий торопился от усталости сбросить с себя застреленную дичь. Он кладет ее с поспешностью на стол в одной из кладовых и запирает ее на замок, не заметив, что тут же запер и собаку, которая не отставала от него.

Вечером того же дня он уезжает из замка в дальний город по какому-то важному делу. Домой возвращается только чрез два дня и желает полакомиться настреленной им дичью.

Он призывает повара и отправляется с ним в кладовую, чтоб отобрать дичь. Первое, что его поражает здесь, — это собака, Каро. Она лежала распростертой на животе и была совершенно неподвижна! На зов не откликается и даже не шевелится. Управляющий наклоняется к собаке, трогает ее, животное еще тепло, но уже безжизненно. Глаза несчастного охотника наполнились слезами. Тут он вспомнил, что, возвратившись с охоты, собака, усталая и голодная, была заперта им по рассеянности в кладовой вместе с куропатками и пятью молодыми зайцами. Кроме этой дичи в кладовой не было ничего съестного. Вся настреленная им дичь была в целости и лежала в том самом месте, где он ее положил. Это зрелище еще больше увеличивает его горе. «Бедная собака, — воскликнул он, — я бы желал, чтоб ты поела все это, но осталась бы в живых». Долго охотник оплакивал эту собаку и в то же время приходил в восторг от ее героизма.

Баско

Баско — так называлась французская легавая собака, в которой были соединены все совершенства, возможные для собаки этой породы. Хозяин ее был превосходный стрелок, делавший из двадцати выстрелов влет не более одного промаха, а большей частью даже ни одного. Раз приходит к этому охотнику сын его приятеля, молодой человек, и просит позволения поохотиться с его собакой. Опытный охотник дает ему это позволение со словами: «Ступайте, но стреляйте метко, не то Баско рассердится».

Вот собака напала на след куропатки и пошла по нему со всей пунктуальностью и ученой точностью, по всем поворотам, оборотам, загибам, извилинам, — одним словом, ни на минуту не отрывала носа от следа, пока не настигла птицы. Тут легавая остановилась и сделала стойку. Куропатка, уже выбившаяся из сил, прикорнула под травой и прилегла к земле. Пернатая дичь

не боится собак — она страшится охотника. И эта куропатка убегала от собаки лишь потому, что четвероногое животное возвещало ей приближение того двуногого создания, от которого она могла погибнуть. Но наша куропатка напрасно боялась — она могла смело подняться с земли и лететь дальше: охотник был плохой стрелок. И действительно, когда птица была поднята, охотник выстрелил и сделал промах. Все труды Баско пропали, собака снова пустилась шарить, терпеливо размеривая свой поиск по квадратным аршинчикам. Такой уж она была выучки!..

Выследив выводок куропаток, Баско останавливается перед ним. Приказание спугнуть дичь отдано, куропатки поднимаются, раздается выстрел, но ни одна из птиц не падает на землю. Баско стоит, удивленный донельзя, и ясно, что хорошее расположение духа его исчезло. Однако он идет с охотником дальше, снова находит куропаток, но увы! — прежняя история повторяется и в этот раз. Тогда Баско подходит к стрелку, бросает на него взгляд, полный глубокого презрения, и, как стрела, пускается бежать домой.

После этой неудачи плохому охотнику невозможно уже было заставить собаку, страстно любившую охоту, идти с ним в поле — так сильно пустило корни в ее сердце презрение к неловкому стрелку.

IV
Боевые и полковые собаки

Окончив войну с дикими зверями, люди (к стыду их) стали употреблять собак и в войнах между собой. У древних персов, римлян и греков были целые стаи *боевых собак.* Они оберегали крепости и оказывали на поле битвы чудеса храбрости и неустрашимости. Думают, что *тибетские бульдоги,* которые служат теперь как сторожевые собаки в селениях Тибета, в прежнее время дрессировались для войны народами Средней Азии. Кимеры и тевтоны также выводили на бой целые стаи страшных догов. Ирландские и шотландские псы производили страшные опустошения в войнах Великобритании. Испанцы употребляли боевых собак в новооткрытой Америке против туземных жителей, индейцев. Французы при завоевании Алжира тоже употребляли военных собак, но это, можно сказать, была поздняя страница из истории собственно боевых собак. В настоящее время уже нигде не держат собак для таких целей, хотя при полках всегда можно видеть этих животных, но это уже так называемые *полковые собаки.*

Домашняя собака, живущая под одной кровлей с семейством своего хозяина, любит его и всех домашних. Полковая собака тоже привязывается к многочисленному семейству, называемому полком. Вместо каких-нибудь десяти человек собака любит их тысячу и того больше. К полкам или ротам пристают главным образом собаки бездомные, лишившиеся своего хозяина или вовсе

не имевшие его. Бродяжничая и добывая себе пропитание, собака легко портится; но раз она пристала к полку, то немедленно же покидает все свои дурные привычки, даже иногда изменяет и свой наружный вид.

В мирное время эти собаки ведут себя смирно, чинно, но в военное время, особенно за границей, ими овладевает дух враждебности и воинственности. Собака упивается запахом пороха и приходит в безумный восторг при первых выстрелах из ружей или пушек. Война так возбуждает, что даже «под овечьей шкурой пуделя может забиться львиное сердце!..»

Безерилло

Христофор Колумб, а за ним и другие покорители Америки имели с собой «боевых собак», которые наводили страх на несчастных индейцев. Две из этих собак — Безерилло и Лиончелло — особенно прославились своими кровавыми подвигами. Лиончелло («маленький лев») — сын Безерилло. Эта собака, как и ее отец, погибла со славой на поле битвы. Лиончелло умер от ран в битве с индейцами. Безерилло был поражен отравленной стрелой во время схватки с караибами. Безерилло («маленький бык») получил такую кличку за свой огромный рост и необыкновенную силу. Он принадлежал Диего Салсуару, был бурого цвета, с черной мордой. Безерилло отличался как умом, так и храбростью и проницательностью. Он бросался в ряды индейцев, хватал одного из них за руку, и если пленный покорно позволял вести себя, то собака не причиняла

ему никакого вреда; если же дикарь сопротивлялся, то она тотчас же душила его.

Но не всегда Безерилло поступал жестоко с дикарями, потому что умел отличать враждебных индейцев от покоренных и невиновных. Капитан Иа-годе-Сенадза вздумал однажды позабавиться над бедной индианкой, отдав ее на жертву Безерилло. Для этого он отправил бедную женщину с письмом к Салсуару (хозяину собаки), рассчитывая, что Безерилло, охранявший его дом, накинется на посланную и разорвет ее в клочки. И действительно, собака встретила индианку с угрожающим видом, но индианка обратилась к ней с умоляющими жестами, показала письмо, стараясь объяснить, что ее послали к губернатору, просила свирепого стража пропустить ее.

Собака, по-видимому, поняла ее и как бы с целью уверить несчастную женщину в ее безопасности стала лизать ей руки и проводила ее до дверей своего господина, к великому удивлению зрителей и разочарованию Сенадзе.

Эта история показывает, что, как бы человек ни старался выучить собак истреблять людей, он никогда не достигнет того, чтобы это животное сделалось таким же испорченным существом, как он сам.

Зотер

Древние греки считали своих боевых собак лучшими защитниками крепостей, а потому и содержали их как гарнизонную стражу. Во время коринфской войны (394–387 гг. до Р. Х.) крепость города Коринфа со стороны моря оберегалась 50 сильными молоссами (догами), расставленными как часовые на известном расстоянии друг от друга.

Полагаясь на бдительность собак, воины в один из праздничных дней предались пьянству. Далеко за полночь раздавались еще песни солдат, а затем все стихло. Пировавшие стали расходиться по домам. Но многие их них свалились с ног на улице и тут же заснули. Пользуясь темнотой ночи, неприятель тихо подплыл к стенам крепости и выжидал только того момента, когда в городе все стихнет, чтоб сделать неожиданное нападение на крепость. Враги так и поступили, но вместо солдат они очутились лицом к лицу с сильными собаками, которые тотчас же вступили в бой, храбро и ожесточенно защищая свои посты. Многие из атакующих были ими уже растерзаны, однако собаки не могли устоять пред многочисленным неприятелем. *Сорок*

девять собак лежали убитыми на поле битвы. Тут недоставало только одного дога, Зотера. Эта собака, храбро дравшаяся до сих пор, вдруг тихонько и осторожно удаляется с поля битвы, правильно рассудив, что одной ей не побороть неприятеля, а потому надо искать помощи в людях. Зотер спешит в город, с громким и учащенным лаем бежит по улицам его, бросается на спящих и тормошит их; одних дергает за одежду, другие кусает, требуя подняться и взяться поскорей за оружие. Наконец Зотер добился того, что опьяневшие проснулись. Поняв всю опасность своего положения, солдаты в ужасе воскликнули: «К оружию! К оружию! Враг ворвался в крепость!» Всюду в городе были зажжены огни. Общая тревога! Мигом вооружились воины, мигом достигли крепости, сбросили атакующих и погнали их к морю. Побежденные побежали как попало, бросаясь вплавь, чтоб достигнуть кораблей, и тонули. Коринф был спасен.

Зотер оказал великую услугу. Общее народное собрание постановило изготовить ошейник с надписью: «Защитник и спаситель Коринфа» и повесить его на шею собаке. В крепости же соорудили большую мраморную колонну, на которой были изображены 49 павших собак и Зотер, бьющий тревогу и призывающий к оружию!

Тампон

У одного из кавалерийских солдат французской армии была редкая собака Тампон, *пудель*. Он был любим всем полком. Все офицеры, даже полковник, ласкали его при встрече. Тампон заслуживал такую любовь не только добротой сердца, но еще, и гораздо более, замечательными забавными штуками, которым научился у своего хозяина. Впрочем, весь полк принимал участие в этом обучении. «Тампон, что делает твой хозяин на ученье?» — и собака начинала зевать во всю пасть. «Тампон, когда идут против неприятеля, то что делают?» — говорят ему, если хотят продолжать разговор. Пудель бросался стрелой, хватал первое, что ему попадалось, и разрывал на части. «А что дальше делает неприятель?» — при этом вопросе собака изменяла вид: опускала хвост и уши и с жалким выражением ползком забиралась в угол. Когда скажут, что она больна, собака умела поднимать лапу, прихрамывать, брать билет на поступление в госпиталь и ложиться со стоном.

И множество других штук выделывала эта собака.

Вы понимаете, что при таком обучении Тампон не мог не считаться за чудо! Поэтому все приезжие просили всегда показать им эту собаку. Один англичанин предлагал за нее тысячу франков, но такое предложение было отвергнуто с презрением.

Моффино

Запомните это имя, пользующееся известностью. Моффино

жил в Милане. В 1812 г. он последовал за своим хозяином, служившим в главной армии Евгения Богарне во время безумной и бедственной кампании в Россию. При переходе через Березину два неразлучные товарища были разъединены. Одна льдина унесла хозяина, другая увлекла несчастного пуделя, который в сумятице этой трагической переправы затерялся и пропал.

Солдат вернулся на родину один, оплакивая свою бедную собаку.

Спустя год в Милане слуги того дома, из которого Моффино отправился на войну, увидали однажды какое-то животное, исхудалое, грязное, отвратительное, которое ползало и стонало.

Само собой разумеется, что несчастное животное было грубо и безжалостно прогнано, несмотря на его отчаянный вой. Вот каково сердце человека! В эту самую минуту бывший солдат возвращался домой и несчастная собака, увидав его, подползает к нему, лижет его ноги с подавленными, но невыразимо мучительными стонами.

Солдат в свою очередь отталкивает гадкое создание, которое, казалось, хотело умереть у его ног, и — кто знает? — еще один удар, и он покончил бы с ним, быть может, навсегда, но тут его поражает внезапная мысль… «Нет, это невозможно, — говорит он себе. — А между тем этот значок…» Он наклоняется, рассматривает… «Моффино!» — произносит он наудачу. В ответ ему раздался лай!.. Это был крик сердца, вопль невыразимой любви! Кто скажет, до чего доходит животное в эти минуты почти человеческой страсти?

Это был он, Моффино! Он вернулся один с Березины; он в течение года пренебрегал всеми опасностями, страданиями, побоями, преследованиями и, умирая от утомления, голода и тоски, прошел половину Европы…

Вот что говорил его лай, вот что выражали его глаза. Но этого было слишком! Он упал на землю без чувств, без движения. Растроганный хозяин его поспешил к нему на помощь и своими заботами ободрил его и вернул к жизни. Удивительное животное!

Мустафа

В военной истории мы читаем, что при Фонтенуа (деревня в Бельгии) была одержана блистательная победа французами (11 мая 1745 г.) над соединенными силами англичан, голландцев и австрийцев. Тут произошло горячее дело; в несколько минут были уничтожены целые батальоны. Мы не станем перечислять всех героев Фонтенуа, да это было бы и невозможно, потому что тогда пришлось бы назвать имена всех офицеров и солдат с той и с другой стороны. Назовем только одного героя этого дня — Мустафу. Это была большая *борзая датской породы.* Принадлежала она артиллерийскому солдату из Дублина. Привыкши со дня рождения к лагерной жизни, Мустафа любил бой барабана, звуки труб, шум пушечной пальбы, запах пороха и бряцанье оружия; а может быть, и предсмертный крик побежденных…

Хозяин собаки, стоя у пушки во время сражения при Фонтенуа, был убит наповал разорвавшейся гранатой; тем же выстрелом были убиты и другие его товарищи. Мустафа, видя своего хозяина распростертым на земле и в крови, испустил страшный вой.

В эту минуту собака увидела отряд французов, приближающийся скорым шагом, чтоб захватить орудия, направленные на них с небольшого холмика. Одно из этих орудий

была пушка, принадлежавшая хозяину Мустафы. В минуту смерти артиллерист намеревался дать залп, но упал мертвый, выпустив из рук дымящийся фитиль. Вот что сделала собака, желая отомстить за смерть хозяина: Мустафа схватил горящий фитиль и разрядил пушку, которая и обдала неприятеля картечью. Семьдесят французов были убиты на месте, прочие обратились в бегство.

После совершения такого поистине смелого поступка собака возвратилась к трупу своего хозяина и предалась горю. Она плакала и выла, лизала лицо и руки убитого воина. В таком состоянии она пробыла 22 часа без пищи и питья.

Товарищам ее хозяина досталось много труда, чтоб удалить собаку от трупа и увести ее с собой.

Храбрый Мустафа был приведен в Лондон и представлен королю Георгу II. По указу его была назначена пенсия на содержание отставного четвероногого героя.

Сольферино

Когда по возвращении из Италии французские войска совершили торжественное вступление в Париж, то рядом с последним взводом зуавов гордо выступала твердым шагом средней величины собака с умным выражением в глазах. На шее у нее был ошейник с бубенчиками, а на спине вьючное седло, точно такое, какое было на лошаках, переносивших в африканских кампаниях погребцы французских офицеров. Два таких погребца висели по бокам Сольферино.

Что ж это была за собака? И какова ее история? Почему она получила такую кличку? Когда в 1859 г. происходил бой в том селении, где жили хозяева собаки, то австрийцы, занявшие это селение, были вытеснены французами. Пули сыпались градом, ядра прыгали, разрушая все, встречавшееся им на пути, и в довершение бедствия австрийцы, отступая, поджигали дома, в которых не могли удержаться.

В самом разгаре опасности будущий Сольферино, которому предстояло выдержать впоследствии бесстрашно огонь на поле битвы, не зная, куда деваться, укрылся в ряды зуавов, где был в совершенной безопасности. После сражения собака стала ласкаться к французским солдатам. Они, прельстившись ее ласковым видом, накормили ее и оставили у себя. С этой поры собака уже не отставала от них. Ее начали обучать, и вскоре военное воспитание ее так усовершенствовалось, что не оставляло желать ничего большего.

Однако солдаты хотели употребить на что-нибудь полезное ее прекрасные способности: они вздумали из этой собаки сделать особого рода маркитанта. Тогда они снарядили ее так, как было сказано выше, но только в погребцах у седла находились не закуска и не напитки, а свернутые в трубку полотняные бинты для первой перевязки раненых на поле битвы до прибытия врача из походного лазарета. Тут же, в ящиках, находились и укрепляющие средства на случай обморока.

Верный Сольферино находился всегда подле готовых к сражению зуавов, и по первому знаку, по первому призыву собака быстрым бегом неслась туда, где требовалось ее присутствие на поле битвы.

Зуав, на обязанности которого лежала забота о Сольферино в мирное время, прохаживаясь с ним по улицам Парижа, рассказывал всем желающим послушать о подвигах этого умного животного.

Наполеон I и полковая собака

Пленник Св. Елены в скучные дни своего заточенья любил вспоминать свое славное прошлое.

Граф Лас Казес, сопутствовавший Наполеону I в его заточении и возвратившийся оттуда в 1816 г., издал потом «Дневник Св. Елены». Вот что мы можем прочитать в этом дневнике. Вспоминая о своих великих подвигах в Италии, Наполеон I однажды рассказал следующее.

«Была прекрасная, безмолвная лунная ночь. В сопровождении нескольких товарищей я переходил поле битвы, с которого не успели еще убрать мертвых. Вдруг собака выскочила из-под одежды одного трупа, бросилась к нам и почти в ту же минуту с грустным воем возвратилась на прежнее место; она по очереди то лизала лицо своего хозяина, то бросалась к нам; она как будто просила о помощи и в то же время домогалась мести».

«Расположение ли духа в эту минуту, — продолжал император, — или место, час, ночное время, действие само по себе или, наконец, я не знаю что, но дело в том, что ничто ни на одном поле битвы не произвело на меня подобного впечатления!..

Я невольно остановился и смотрел на это зрелище. У этого человека, думал я, есть, может быть, друзья в лагере или в его роте, а он лежит тут, покинутый всеми, кроме его собаки!..

Какой назидательный урок дает нам природа посредством этого животного! Что такое человек! И как объяснить тайну его впечатлений! Я без душевного волнения назначал сражения,

которые должны были решить участь целой армии; я хладнокровно видел исполнение приказаний, влекущих за собою погибель многих из нас, а тут я был взволнован, я был растроган криками и горем собаки!

Верно то, что я в эту минуту был снисходительнее к просьбе неприятеля, я лучше стал понимать Ахиллеса, отдающего тело Гектора плачущему Приаму».

Туту

Во время Итальянской войны (окончившейся при Сольферино в 1859 г.) один полк французских солдат сел на суда в Алжире, чтобы отправиться в Геную, но при этом представилось следующее затруднение.

Было строго запрещено брать на суда собак; загоревали солдаты, имевшие любимых собак. Трудно было обмануть бдительность начальства.

Известно, что при переходе на судно солдаты идут следом друг за другом, по выкличке; почти не было никакой возможности перейти на судно незамеченным, однако придумали следующее средство, чтобы переправить собак.

Барабанщики разобрали свои барабаны и спрятали в них лучших и, разумеется, самых крошечных собачек испанской породы.

Туту попала в это число за свои заслуги и по своему росту. Эти бедные животные, свернувшись клубочком, едва дышали спертым воздухом, проходившим в небольшие отверстия, находившиеся возле веревочек, натянутых на ослиную кожу.

Полк выступил. По обыкновению по доске проходили без музыки. При такой отправке идут вольнее и каждый барабанщик или трубач, вместо того чтобы идти впереди полка, становится в свою роту. Но полковнику захотелось проститься с Африкой при звуках музыки.

Дали приказ всем трубачам и барабанщикам стать впереди колонны и сыграть веселую пьесу. Можете себе представить, какое лицо сделали барабанщики, имевшие в барабанах собак. Заиграли одни трубы; полковник удивляется и требует, чтобы им аккомпанировали и барабаны, но барабанщики стоят неподвижно. Полковник сердится. Надобно повиноваться! Множество народа прощалось с солдатами громкими восклицаниями «виват!» Самое приличное прощанье с людьми, идущими навстречу смерти. Старший барабанщик, заметив, что полковник нахмурился, понял, что шутить нельзя… по данному знаку начинается

барабанная дробь.

Но, о удивление! Среди барабанного правильного боя раздается страшный вой собак. Начинают осматриваться — ничего не видно. Барабанщики, раз начавши, не останавливаются, и чем громче раздается лай, тем сильнее они барабанят; это был просто адский шум.

Все начали отыскивать воющих собак, но их нигде не было видно. Наконец, к общему изумлению, выпадает из одного барабана собака и, перевернувшись, стремглав убегает; испуганная до безумия, она прорвала когтями кожу барабана, чтобы выскочить вон.

Зрители начали хохотать до упаду.

Офицеры поняли, что это значило, но сделали вид, что ничего не замечают. Барабаны смолкли, и так дошли до набережной. Но весть о происшедшем уже достигла судна прежде прихода батальона. Поэтому, как скоро подходил барабанщик, его заставляли барабанить; если раздавался лай, спрятанную собаку выпускали из заключения и прогоняли на берег.

Одна только собачка попала на судно, Туту! Она не шелохнулась, она не пискнула. Туту лежала смирнехонько!

Пекин

Во время войны французов с китайским императором одна собака, принадлежавшая жене пекинского мандарина, целый день ела лакомства, которыми наделяла ее молодая ее хозяйка. Вышедши однажды из дома, она прельстилась военной ловкостью одного из французских тамбур-мажоров и пошла за ним в

полковую квартиру. Полковой обед не понравился собаке, и ей стало жаль лакомств жены мандарина. Но так как она не знала улиц в таком большом городе, как Пекин, то, боясь попасть в худшие руки, примирилась поневоле со своей судьбой.

Наступило время выступления французских войск. Собака, которой согласно ее происхождению дали имя Пекин, полюбила военную жизнь. Она была везде: на парадах, при обеде и ужине, при работах, даже в музыке она хотела принимать участие, вытягивая самую высокую ноту, когда раздавался звук трубы.

За любовь, которую солдаты оказывали Пекину, он платил им такой же любовью. Он действительно сделался полковой собакой. Вот пришло приказание садиться на суда. По уставу присутствие собак на судне не допускается. Что делать? Красивому тамбур-мажору пришла в голову мысль запрятать Пекина в свою мохнатую шапку. Как могла уместиться там собака — непонятно!.. Однако это было так. Когда на море собака была выпущена, то капитан хотел бросить ее за борт. Его упросили, и Пекин был спасен.

Итак, Пекин явился в Париже. Хозяин собачки, получив отпуск, вздумал жениться, а невеста его ненавидела собак.

Любовь взяла верх над дружбой, и Пекин был продан в табачную лавку, где новый хозяин тотчас выучил собачку держать в зубах трубку.

Какой переход! Собака, сперва любимица знатной госпожи, потом шествующая впереди французского полка и, наконец, стала служить вывеской!

Генгиск

В Пруссии жила собака Генгиск, которую следовало бы, по всей справедливости, наградить военной медалью; но, как это часто случается, истинные полковые служаки чаще всего обносятся наградами, крестами и медалями. Генгиск любил служить, а не прислуживаться, что делали разные шавки, принадлежавшие женам офицеров, служивших в штабе. Генгиск родился и вырос в той части команды, на которой исключительно лежало исполнение приказаний начальства, где военная дисциплина стояла на первом плане.

Среди таких солдат и Генгиск усвоил себе чувство слепого исполнения чужой воли, да, быть может, такие неоцененные солдатские качества перешли еще и по наследству к нему от родителей, тоже живших и служивших в этом же полку. Вся фигура Генгиска выражала собой одно лишь слово «слушаю-с!»

Во время войны с Данией ни одна вылазка не обходилась без этой собаки.

Обладая удивительным чутьем, она легко открывала присутствие неприятеля. Когда один из ее друзей падал, пораженный пулей, собака принимала на себя роль хирурга и, прилегши около раненого, лизала его раны, не отходила от него до тех пор, пока его не уносили с поля сражения. В продолжение всей кампании Генгиск не получил ни одной царапины: он чувствовал приближение ядер и быстрым прыжком избавлялся от них.

Во время взятия Дюппеля, в ту минуту, когда войска бросились в атаку, собака бежала впереди своего батальона и

первая взлетела на высоты, к великому изумлению неприятеля. Она лаяла в знак победы, вертела хвостом и как будто говорила: «Я здесь, выручайте меня». Так, действительно, и случилось.

При переправе через Альзен, не захотев занять место солдата в маленьких лодках, она пустилась за своими товарищами вплавь и первой явилась на другом берегу, отряхиваясь перед самым неприятелем и ожидая случая встретиться с новой опасностью. Собака покоилась на лаврах в Берлине и, подобно старому служаке, всегда вздрагивала при звуках барабана и рожка. Она как будто говорила всякому проходящему полку: «Я тоже была при взятии Дюппеля!»

Милло

Жизнь этой знаменитой собаки описана одним прусским ветераном, сослуживцем ее по полковой службе. Милло была большая *легавая* собака, черная с белыми пятнами. Кому она принадлежала в молодости — осталось неизвестным. Собака пристала случайно к одной роте, расположившейся было на отдых, во время похода, близ большой дороги. Солдаты сидели за трапезой, когда к ним подбежала собака, сильно прихрамывая на одну ногу и с пеной у рта. Все солдаты разбежались, предполагая, что к ним подошла бешеная собака, и лишь один фланговый молодой солдатик остался на месте. У ног этого-то солдата по имени Милло и прилегла собака. По выражению глаз ее было видно, что она голодна и сильно страдает от какой-то боли. Милло подал собаке кусочек хлеба, и та с жадностью его проглотила. Принесли воды, и она алчно вылакала ее всю до дна чашки. Это успокоило солдат: они увидели, что собака не страдает водобоязнью, следовательно, не бешеная. Осмотрев больную ногу собаки, заметили большую занозу, которую сейчас же и вынули; затем, очистив рану от нагноения, наложили повязку. С этой минуты благодарная собака уж не отходила от команды, а так как она больше всех полюбила солдата Милло, то ей и было дано такое же имя.

Во все продолжение войны с Данией эта собака была неотлучным товарищем своего хозяина: возле него на правом фланге она появлялась на учениях и смотрах. Делая перекличку солдатам, начальник роты всегда выкликал и Милло. Отсутствие собаки сейчас же замечалось, и об этом наводили справку. Вся команда любила эту собаку и делилась с ней в походах как куском хлеба, так и ночлегом.

В походах собака шла всегда впереди команды, выдерживая

натиск разных деревенских шавок. При переходах через мосты она бросалась в воду и вытаскивала оттуда оброненные солдатами вещи. Однажды вытащила из воды маленькую девочку, которая, стоя на берегу реки и видя приближение неприятельских солдат, так испугалась, что у ней закружилась голова и она упала в речку. В свободное время собака уходила одна на охоту и приносила своей команде то зайца, то кролика.

При Киссингене собака была ранена пулей в верхнюю губу и сильно страдала. Она была положена в лазарет на особой койке и пользовалась внимательным уходом. Выздоровев, собака снова явилась в свою роту на службу. Тут она получила медаль, которую и носила на своем ошейнике. Походная жизнь, битвы и приключения разного рода, наконец, рана на губе до такой степени изменили наружный вид собаки, что она почти не была похожа на прежнего легаша. Походка ее сделалась как-то прямее, молодцеватее, глаза же буквально выходили из своих орбит, когда ей приходилось смотреть на своих товарищей, отдававших ружьем «на караул».

Когда команда возвращалась на родину в город Минден (на Визере), то и Милло была тут же. Голова ее была украшена венком из дубовых листьев. Проходя по улицам города, Милло не обращала никакого внимания на разных дворняжек, задиравших ее на пути. Даже не слушала науськиваний своих товарищей. «Милло дралась за родину — прилично ли ей драться теперь с родными собаками», — так, может быть, думала эта полковая собака и спокойно переносила сердитый лай из-за углов.

В Миндене хозяин ее, Милло, должен был расстаться со своей собакой. Милло-солдат ушел к себе на родину, но Милло — полковая собака осталась на службе и не последовала в отпуск даже с любимым ею человеком. Полк и рота были родиной для собаки. Со своим полком она делала поход и во Францию, снова была ранена и на этот раз украшена медалью, сделанной из свинцовых пуль, поднятых на поле битвы, где многие из ее товарищей остались навеки. По возвращении в Минден Милло участвовала в параде в 1873 г., и это был последний день ее действительной службы. После этого собака почивала уже на лаврах в своей казарме, присматривая лишь за провизией и за тем, чтоб обрезки от мяса не попали как-нибудь в чужие желудки.

Милло умерла в 1876 г. в полковой кухне на двенадцатом году своей жизни. Преждевременная смерть произошла от ран и истощения сил. Солдаты похоронили собаку с почестями близ казармы и поставили памятник над могилой ее.

Мы только кое-что пересказали об этой знаменитой собаке. Жизнь же ее гораздо богаче разного рода приключениями.

Замечательно, что нет ни одного позорящего факта во всей полковой службе этого животного. Ум, распорядительность, выносливость, бдительность, деятельность, храбрость, терпение, строгое исполнение обязанностей — вот аттестат собаки Милло!

V
Собаки — защитницы и покровительницы

Защитницей человека может быть, по преимуществу, собака храбрая и сильная с крепкими и острыми зубами. Мы говорим здесь о прямой защите, когда собаке приходится вступать в бой с врагом своего господина, с врагом, желающим убить или ограбить ее друга и товарища. Но защитницами могут являться и часто являлись собаки небольшого роста и даже не из храбрых.

Зато многие из таких преданных, но слабосильных животных поплатились жизнью за свое заступничество. Не имея физической силы прямо бороться с врагом, они кусали его за руку или за ногу и тем мешали нанести удар ножом или каким-нибудь другим оружием. Но удар, направленный на хозяина, часто попадал в его собаку. Руководясь чувством справедливости, собака может укусить и своего хозяина, если тот будет поступать несправедливо с человеком или с животным.

Чувство покровительства у некоторых собак выражалось в заботах о больных, раненых, слабых или беспомощных тварях разного рода. Искалеченные на улице собаки были приводимы в

квартиру доктора собаками же. Котята или утята, замерзавшие где-нибудь от холода, были согреваемы длинношерстными четвероногими защитницами и покровительницами. В большинстве случаев собаки обладают добрым нравом, хотя нельзя отвергать у них и грубой страсти к дракам. Любят-таки незнакомые собаки при встречах помериться крепостью своих челюстей, справиться, прочно ли пришита на них шкура.

Почему собаки любят погрызться между собой — мы этого не знаем, но знаем, что люди сами много способствуют развитию у этих добрых животных злых побуждений. У доброго же хозяина и собаки большей частью бывают добры.

Денди и Пик

«Живут как кошка с собакой» — так обыкновенно говорят о несогласном житье-бытье каких-нибудь людей между собой. Но не всегда же собаки и кошки враждуют между собой — бывали примеры совершенно противоположные. Собаки иногда самоотверженно бросались в огонь во время пожара, чтоб вытащить из огня погибавшего своего друга, какого-нибудь больного кота Ваську. Да и кошки, со своей стороны, никакой неприязни не чувствуют к собакам, если люди не ссорят между собой этих животных, как это особенно часто делают глупые мальчишки.

Стоит только собаке показать перед кошкой свои мирные наклонности, готовность жить в ладу, и кошка охотно примет предложение дружбы. Она сама никогда не будет накидываться на собаку, задирать ее. Кошка — умное животное и очень хорошо знает, что худой мир лучше доброй драки.

Вот один из многих примеров самой задушевной дружбы собаки с кошкой.

У какого-то господина жила собака Денди и кошка Пик; жили они в теснейшей дружбе. Случалось ли получать собаке подачку, она непременно делилась ею со своим другом. Они ели из одной тарелки, спали вместе и никогда не разлучались. Хозяину захотелось однажды испытать их дружбу. Он взял кошку и поручил жене наблюдать за тем, что будет делать в это время собака. Он стал угощать кошку и заметил, что, несмотря на отсутствие ее товарища, она ела с величайшим удовольствием, как бы забыв о нем. Вскоре хозяин пошел погулять, спрятав в шкаф половину тетерки, которой он хотел поужинать. Вот что рассказала ему жена по его возвращении. После его ухода кошка тотчас же отправилась к собаке и принялась громко мяукать на

разные лады, собака отвечала ей односложным ворчаньем. Затем оба пошли к столовой, и, как только кто-то из детей отворил дверь, оба приятеля забрались в нее. Кошка немедленно подвела собаку к шкафу, достала тарелку, на которой лежала тетерка, схватила желанное жаркое и подала его собаке. Когда лакомый кусок был съеден, оба друга забрались под диван, выжидая, чтобы кто-нибудь отворил дверь. Хозяин вошел первый в столовую и тотчас заметил, с каким смущенным видом выбирались из нее приятели. С тех пор он стал особенно тщательно наблюдать за ними и убедился, что они всегда извещали друг друга, когда находили что-нибудь для них интересное…

Ровер

Один военный, возвращаясь из Италии с добычей, шел по дороге в окрестностях Тулузы. С ним была огромного роста собака *меделянской породы* по имени Ровер. Солдат так был рад своему богатству, что рассказал о своем благополучии всем бывшим в гостинице, где он остановился на ночлег. Хозяйка подозвала его к себе и сказала ему, что он очень неосторожен. «Я не могу ручаться за сидящих здесь: может быть, это честные люди, а может быть, есть между ними и разбойники». — «Вот еще! — отвечал солдат. — Я ничего не боюсь со своей собакой; если бы на нас напали, то мы вдвоем сумели бы справиться». На другое утро он ушел. На расстоянии одной версты от города его остановили три человека; он был убит ударом кинжала, прежде

чем успел приготовиться к защите. Собака, увидя его, плавающего в крови, разозлилась на убийцу, свалила его с ног и задушила. Остальные два разбойника, испугавшись, взобрались на дерево, полагая, что собака уйдет и им можно будет слезть — но ошиблись. На рассвете, когда проходили жандармы, то услыхали крики звавших на помощь и увидали собаку, яростно лающую на разбойников, сидевших на дереве и уверявших, что собака была бешеная. Жандармы велели этим людям сойти вниз и увидели тогда, что они были обрызганы кровью.

Негодяи уверяли, что кровь текла из ран, нанесенных им собакой. Животное не переставало бросаться на них. По этому признаку и другим подозрениям их арестовали.

В двенадцати шагах от дерева нашли оба трупа. Верная собака подбежала к своему хозяину, стала ласкаться к нему и начала лаять сильнее. Жандармы осмотрели труп солдата; он был ранен в сердце кинжалом, который лежал около него. На другом трупе были следы собачьих зубов. Виновных вместе с собакой повели в Тулузу. Ровер был единственным обвинителем, но этого доказательства было достаточно. Собака была смирна и всем позволяла гладить себя, но приходила в ярость, когда ей показывали убийц ее хозяина. На основании этого злодеи были присуждены к смертной казни и признались в своем преступлении у ступеней эшафота.

Собака Обри Мондидье

Обри Мондидье находился в числе придворных французского короля Карла V и пользовался большими королевскими милостями. Другой придворный (историки называют его рыцарем Макаром), имея завистливое сердце, пожелал убить своего соперника по службе и искал только удобного к тому случая. Следуя всюду за своей жертвой и подстерегая ее, рыцарь Макар настиг однажды своего товарища в Бондийском лесу, недалеко от Парижа, убил и зарыл его под деревом.

Собака несчастного, которая оставалась дома, соскучившись в ожидании возвращения своего хозяина, бросилась ночью искать его. В лесу она набрела на свежую могилу, узнала, кто в ней погребен, и несколько дней сряду не сходила с места — так была она поражена смертью своего господина. Однако мучительное терзание голода заставило ее покинуть на время могилу своего друга, чтоб сбегать в Париж и выпросить себе пищи. Она прибежала к Ардильеру, другу Обри Мондидье, и жалобным воем дала ему почувствовать, что общего их друга уже нет на свете.

Ардильер накормил ее и приласкал, но опечаленная собака не переставала визжать и лизать его руки; она брала его за кафтан и тащила к двери.

Такие движения собаки и необыкновенное жалобное ворчанье, точно она желала рассказать о каком-то несчастье, побудили Ардильера собрать людей и пойти за собакой по ее приглашению. Собака повела их из улицы в улицу, вывела из города и направилась к лесу. Здесь, у высокого дуба, она остановилась и принялась разгребать лапами землю, как бы показывая, что в этом месте надобно рыть. Пришедшие разрыли землю и нашли тело убитого, которое и почтили более приличным погребением. Виновник этого гнусного преступления оставался неизвестным.

Рыцарь Макар продолжал являться на службу к королю с лицом спокойным, а иногда даже и веселым. Все сожалели о смерти Обри Мондидье, но никто не смел заподозрить в убийстве рыцаря Макара, который и сам иногда, притворно разумеется, сокрушался о преждевременной смерти своего сослуживца.

Собака, поселившаяся жить у Ардильера, стала сопровождать его всюду, являлась с ним и во дворец короля. Тут она, увидев в числе придворных рыцаря Макара, бросилась на него с ужасным остервенением. Ее отогнали, но она, оскалив зубы, снова возвратилась и старалась схватить за горло убийцу своего прежнего господина. Так как собака всякий раз при встрече с Макаром повторяла свои нападения на него, то это показалось королю (которого называют Мудрым) довольно странным обстоятельством. Король, подозвав к себе Макара, стал его расспрашивать и просил разъяснить нападки собаки только на него одного из всех 20-ти его приближенных; но Макар из страха позорного наказания ни в чем не сознавался. Едва Макар отошел от короля, как собака снова бросилась на убийцу, взывая к придворным о мести и строгом наказании. Просьба ее была уважена, хотя и не было явных улик. Но в таких случаях в те времена допускались поединки между обвинителем и обвиняемым. Король положил решить это дело «Судом Божиим», т. е. допустить поединок между рыцарем и собакой. Поле битвы было назначено на острове Сен-Луи (в 1371 г.), тогда никому не принадлежавшем и необитаемом. Бой начался в присутствии короля. Оружием Макару служила толстая палка. Для прикрытия собаки и вылазки ее положили в бездонную бочку. Как только выпустили собаку, она тотчас же стала кружиться около своего противника, забегая то с одной стороны, то с другой. Утомив таким образом Макара, она повалила его на землю, схватила за горло и заставила признаться в преступлении.

Макар кончил жизнь на виселице.

Король велел поставить в Бондийском лесу мраморный памятник с надписью: «Жестокие сердца, стыдитесь! Бессловесное животное умеет любить и знает благодарность. А ты, злодей, в минуту преступления бойся самой тени своей».

Тирас

В сентябре месяце 1771 г. в городе Далингене (на Дунае) казнили страшного разбойника, который под именем Баварского Гизеля был известен не только в Швабии и Баварии, но и за пределами их. Такой же известностью пользовалась и его собака Тирас.

Будучи самым искусным стрелком, Матгеус Клостермайер (настоящее имя и фамилия Гизеля) сперва убивал только диких зверей, водившихся в лесах и причинявших большой вред крестьянам. Но такие охоты в чужих лесах, принадлежавших

богатым владельцам, запрещались. Людей, занимавшихся недозволенными охотами, называли браконьерами, их преследовали и подстреливали…

Баварский Гизель, отважный, рослый и чрезвычайно сильный молодой человек, озлобившись на лесных сторожей, набрал себе шайку из искусных стрелков и обратился из гонимого в гонителя. Мало-помалу Гизель стал мучить и убивать не одних только лесничих, но и других людей. Стоило ему услышать, что какой-нибудь крестьянин похваляется изловить его или просто бранит его, как Гизель являлся перед ним, мучил его, забивал до полусмерти, а иногда и просто убивал.

Однажды Гизель услыхал, что какой-то мельник похваляется изловить его, напустив на него свою страшную и сильную собаку. «Мой Тирас (имя собаки) наверно поймает Баварского Гизеля, — говорил мельник, — и тогда я разбогатею, получив от правительства обещанную денежную награду». Гизель тотчас же является к мельнику и требует, чтоб тот выпустил на него свою собаку… Мельник, узнав, что перед ним стоит страшный Гизель, пришел в неописуемый ужас: губы его дрожали, он был бледен и не мог произнести ни одного слова.

«Ведь это ты намеревался поймать меня, — говорил Гизель. — Я хочу облегчить тебе этот труд и потому сам пришел к тебе. Приведи сюда сейчас же твою собаку и спусти на меня этого черта… Ступай же, — закричал Гизель, — коли я тебе приказываю, и веди собаку… Ты не идешь? Так я тебя застрелю», — и взялся было за свое ружье…

Нечего делать! Мельник привел собаку и спустил ее на Гизеля, который стоял, прислонившись спиной к стенке комнаты и спокойно ожидал нападения. Собака рванулась как бешеная, стараясь укусить Гизеля и вцепиться в его горло, но мускулистые руки крепко держали собаку на почтительном отдалении. Собака злилась все более и более, а сделать все-таки ничего не могла. Налюбовавшись храбростью и злостью собаки, Гизель всунул в пасть ее свой кулак, отчего бедное животное стало задыхаться, обессилело и повисло без движения на руках своего врага. Тогда Гизель сбросил ее на землю и связал, потом, взвалив ее к себе на плечи, направился к выходу из комнаты.

Мельник стоял и только хлопал глазами. Выходя из комнаты, Гизель сказал, обращаясь к мельнику: «Ты видел сегодня Баварского Гизеля *в первый раз, а свою собаку в последний».*

Собака покорилась Гизелю и сделалась его лучшим слугой. В трактирах она всегда ложилась на стол, так как оттуда ей было удобнее обозревать всю комнату. Глаза ее постоянно были устремлены на дверь. Смышленое животное с первого взгляда

узнавало врагов своего господина. Иногда она, по-видимому совершенно без всякой причины, бросалась на незнакомых ей людей, и потом оказывалось, что они действительно замышляли против Гизеля что-нибудь недоброе. Вследствие этого в народе распространилась молва, что в гизелевском Тирасе сидит сам черт.

Как невозможно перечислить всех злодеяний Гизеля, так трудно перечислить и все те услуги, которые выполнял Тирас, способствуя своему хозяину в его злодеяниях. Назовем два-три случая. Однажды Гизель, желая навестить монахов Доминиканского монастыря, чтоб ограбить их на какую-нибудь сумму денег, подошел к стенам монастыря в сопровождении своей собаки. Привратник, услыхав звонок у ворот монастыря, тотчас же открыл калитку, но, увидавши вооруженного стрелка и большую собаку, ужасно перепугался. Он хотел было снова захлопнуть калитку, но Тирас, проскочив во двор, оскалил свои зубы и заставил привратника спрятаться в свою каморку.

Это происходило в час обеда. Все монахи сидели уже в трапезной за длинным столом, уставленным разными постными кушаньями. Вдруг отворяется дверь и перед монахами является Гизель, вооруженный штуцером и охотничьим ножом, рядом с ним огромная собака свирепого вида, у которой глаза уже налились кровью. Все узнали Гизеля и Тираса! У монахов пропал аппетит. Чрез несколько минут все монахи, начиная с настоятеля и кончая последним служкой, стояли пред грозным стрелком на коленях, прося его сжалиться над ними… «Да, — говорил Гизель, — мне стоит только сделать знак моему Тирасу, чтоб он всех вас поочередно изорвал в клочки; но я не прикажу этого, а прикажу ему, с вашего позволения, покушать за вашим столом. Мне же прошу выдать несколько сотен рублей. Пока настоятель ходил во внутренние покои, чтоб вынести оттуда требуемые деньги, Тирас лакомился кушаньями, выбирая самые лучшие кусочки. Получив деньги и попросив монахов вспоминать его в своих молитвах, Гизель медленным шагом удалился из монастыря вместе с Тирасом.

В другой раз Гизель снова явился, но не в монастыре, а в деревне, где он желал наказать одного крестьянина за его похвальбу изловить Гизеля. Крестьянин этот был крепкого сложения, огромного роста, мужественный и сильный. Гизелю и троим из его шайки, вероятно, не удалось бы справиться с крестьянином, если бы им не помогла их собака, которая, схватив крестьянина за ухо, повалила его на пол. Тут стрелки и добили его ружейными прикладами.

В последний раз собака дралась *в последней победе* Гизеля над

своими преследователями. Это случилось 28 декабря 1770 г. Предводитель браконьеров заночевал со своей шайкой в деревенском трактире, и тут на него напала многочисленная стража, пришедшая из города Ульма. Тирас выказал особенную ярость в этом сражении. По приказанию своего хозяина собака бросалась на солдат, сперва на одного, потом на другого, хватая их зубами за челюсти и повергая на землю. Стрелки закалывали их своими кинжалами. Много солдат погибло при этом нападении. Гизель еще раз ушел от преследователей, но ушла от него и его собака. Случилось это таким образом: среди самой резни, которая происходила в темной комнате трактира, Тирас вдруг бросился на одного из стрелков, против которого прежде не выказывал никаких враждебных намерений, и искусал его ужасно. После этого собака скрылась и пропала без вести.

Думают, что она была ранена в схватке, а потому и оставила поле битвы. Но почему же она снова не присоединилась к Гизелю и его шайке, ушедшей в лес? Не лучше ли предположить, что Тирасу просто опротивела кровожадность этих людей, и он ушел от них.

Тото

У хозяина кофейни был прекрасный пудель белой шерсти, всегда расчесанный, вымытый и выбритый. Кроме физических качеств, Тото (так звали собаку) имел и более существенные достоинства: он очень хорошо выполнял различные поручения. Тото ходил каждое утро с корзинкой в зубах к булочнику за булочками, бегал иногда четыре и пять раз, если случалась надобность, и всегда без всякого ворчанья. Все приносил в полной сохранности. Правда, что пуделя кормили на славу, но и булочки, которые он приносил, были очень румяны и соблазнительны…

Однажды утром собака принесла своей хозяйке полную корзинку булочек. Хозяйка считает — одной недостает!.. Верно, булочник ошибся, думает она, потому что ей и в голову не приходило подозревать собаку.

Тотчас послали мальчика сказать об этом булочнику. «Может быть, — ответил булочник, подавая мальчику недостающий хлебец, — я ведь не сам считал их; но скажите вашей хозяйке, что завтра буду аккуратнее».

Но на другой день опять недоставало булочки. Послали к булочнику с выговором, но на этот раз он рассердился. «Я сам отсчитал в корзинку булочки и наверное знаю, что все были положены сполна, — вскричал он с сердцем. — Виноват ли я, что

ваша собака такая жадная».

Обвинять Тото было дело нелегкое, но все подозрения падали на него. Итак, хозяйка кофейни, хотя и уверенная в добродетели своей собаки, решилась, однако, подсмотреть за ней, чтобы поймать ее в минуту преступления. На другой день мальчик, посланный тайком подсматривать за Тото, видел, как пудель входил в булочную и вышел с полной корзинкой, но потом, вместо того, чтобы идти своей дорогой, он повернул в другую улицу. Мальчик, которого очень заинтересовала такая проделка, увидал, что собака вошла в аллею, ведущую к дому, и остановилась перед дверью конюшни против проделанной внизу этой двери лазейки. Тут Тото поставил на землю корзинку, осторожно взял одну булочку и положил ее у лазейки, в которую тотчас просунулась морда другой собаки, как будто это запертое животное уже ожидало полученной подачки; а Тото опять взял свою корзинку и поспешно побежал домой.

Мальчик, удивленный такой странностью, стал расспрашивать привратника и узнал, что в этой конюшне заперта собака, ощенившаяся назад тому три дня, именно с того времени, как стали пропадать булочки. Возвратившись домой, мальчик рассказал своей хозяйке, что видел и слышал; она сперва рассердилась, но потом приказала не стеснять Тото в его действиях, предоставив ему булочку в полное его распоряжение.

Доброе животное еще несколько дней продолжало свое подаяние, но потом, когда ощенившаяся собака выздоровела, Тото по-прежнему исправно приносил полное число булочек.

Молино

В птичнике одной хозяйки были куры и гуси. Ей захотелось иметь еще уток, и вот, достав утиных яиц, она подложила их под курицу-наседку. Цыплята и утята вывелись отлично, но курица, заметив детенышей не ее породы, с первого же дня стала прогонять их прочь от себя, не хотела согревать их под своими крыльями. Утята, лишенные материнской заботливости, все околели, кроме одного, спасенного большой цепной собакой Молино. Да, Молино сделал для маленького утенка то, что не хотела сделать злая курица.

Однажды ночью, посинев от холода, маленькое лапчатоногое созданьице подошло к грозному псу и повалилось перед ним на землю, как бы прося его покончить с ним разом и тем прекратить его страдания; но Молино вместо того, чтобы загрызть утенка, нежно притянул его к себе своими лапами и стал согревать бедняжку в своей длинной шерсти. После этого утенок стал приходить к своему покровителю каждый вечер, чтобы укрываться на ночь в его конуре. Утенок нисколько не страшился ни звука цепи, на которой метался Молино, ни его громкого лая. Напротив, каждый раз, как раздавался мрачный лай собаки, утенок, подозревая опасность, тотчас же прибегал под защиту своего спасителя. Горе тому, кто осмелился бы преследовать утенка в пределах владения великодушного пса!

Утенок подрос, сделался уткой, но никогда не забывал того, кому обязан был жизнью. Дружба между этими двумя животными была самая трогательная.

Утка старалась, как умела, по-своему развлекать друга, прикованного на цепи. Желая выказать собаке нежные чувства, утка взбиралась к ней на спину, ласкала ее своими лапами, чесала ей за ухом клювом; спрыгивала на землю, становилась перед угрюмым другом, любовалась им, пятилась назад

маленькими шажками, делая поклоны и повторяя несчетное число раз свое «кря! кря!..»

Вилленокская собака

В Вилленоксе (город во Франции) жила одна собака, исполнявшая должность полицейского. Это был довольно некрасивый, но сильный пудель, обыкновенно лежавший на улице у дверей своего хозяина.

Как скоро два бульдога, принадлежавшие соседнему мяснику, нападали, по своему сварливому нраву, на более слабую собаку, пудель бросался на нападавших, заставляя их отстать от нее, в противном же случае сам вступал в бой с четвероногими тиранами.

Все соседние собаки знали это так хорошо, что при малейшей угрозе со стороны бульдогов подбегали к своему всегдашнему покровителю, который тотчас вставал и готовился идти на помощь. Что касается бульдогов, то они могли грызться между собой, сколько им было угодно. Пудель смотрел спокойно на их распрю и никогда в нее не вмешивался.

VI
Собаки — спасительницы

При словах «собака-спасительница» у нас сейчас же является представление о больших и сильных ньюфаундлендских или сенбернардских собаках, действительно спасших жизнь многим людям; но спасительницей человека может быть собака и всякой другой породы, большая и маленькая, слабая и сильная, простая дворняжка и чистокровный пудель, легавая и бульдог, гончая и такс… Средствами для спасения служат у собак прежде всего чуткий слух и необыкновенное чутье, а потом голос или лай. Открыв злодея днем или ночью тем или другим из своих внешних чувств, собака тотчас же дает знать об этом своему хозяину: она ворчит или лает. Если хозяин ее спит, она разбудит его своим криком ужаса, привлечет внимание посторонних людей. Но если хозяин ее не просыпается! Если не слышат и соседи тревожного крика! Что тут делать? Собака тогда сама спешит к людям, царапается в двери или в окна их домов, зовет на помощь. Встретив же какого-нибудь человека на улице или на дороге, она ложится у ног его, ласково, но озабоченно смотрит в глаза прохожему, а движениями своей головы показывает то направление, куда следует идти на помощь. Если и при этом не поймут ее просьб и желаний, то собака тогда просто хватает зубами за одежду человека и тащит его за собой. Чем большая опасность грозит ее хозяину, тем тревожней и суетливей бывают движения собаки, тем вой и визг ее становятся печальней. Потребность спасать своего хозяина бывает у некоторых собак настолько сильна, что они бросаются даже в огонь, хотя боятся

его, бросаются в воду, хотя бы и не умели плавать так искусно, как ньюфаундленды. Вытаскивать людей из воды не есть исключительная принадлежность водолазов: утопающих людей спасали и пуделя, и легавые, и меделянки, и простые дворняжки.

Боб

Лондонское человеколюбивое общество состоит не только из людей, на обязанности которых лежит спасение погибающих, но и из известного числа собак, по преимуществу водолазов, действующих всегда с ловкостью и самопожертвованием.

Общество это было основано в 1774 г. доктором Говесом и имеет теперь свои отделения во многих приморских городах королевства.

Боб (имя ньюфаундленда самой чистой породы) числился членом лондонского человеколюбивого общества.

Он родился в 1859 г. на одном английском корабле, шедшем из Индии в Англию. На четвертом месяце со дня рождения Боб в первый раз бросился в море вместе со своей матерью и плавал в течение нескольких часов так же искусно и неутомимо, как и его мать. Нетрудно было угадать, что из него выйдет в будущем редкий пловец.

Первый год своей жизни он провел на суше, в Лондоне, на дворе одного старого дома.

В 1860 г. хозяин Боба, отправляясь в Америку, взял и его с собой. В Ливерпуле они сели на корабль и вышли в море. На корабле было 120 пассажиров, не считая команды.

В первые три дня погода была ясная, море тихое, но на четвертый день разразилась страшная буря.

Несмотря на все усилия матросов, произошло крушение, и корабль пошел ко дну. Все пассажиры и вся команда потонули, кроме Боба и его хозяина. Как только раздался треск корабля, Боб тотчас же бросился в воду, приглашая и своего хозяина последовать за ним.

Чрез секунду одна и та же волна уносила их вдаль. Боб и его хозяин дружно плыли по направлению к берегу, который едва был виден.

Отплывши около трех миль, человек и его собака достигли нескольких камней, выдававшихся из воды. Тут они упали, изнемогая от усталости; но эти высунувшиеся из воды камни могли служить им только временным пристанищем: приближающийся прилив моря угрожал залить камни и смыть спасавшихся на них.

Погибающий пробовал было кричать, но никто кроме бушующего моря не откликался на зов его. Боб лежал тут же и смотрел ласково на своего хозяина, как бы говоря ему: «Зачем отчаиваться! Ты знаешь, я хорошо плаваю; неужели же я ничего не могу сделать для твоего спасения?» Хозяин прочел в больших глазах своей собаки такие мысли и ободрился. Он вынимает ключ из кармана, кладет в пасть собаки и, указывая по направлению к берегу, говорит: «Плыви!»

Боб бросается в воду и, несмотря на темноту ночи, достигает берега. Тут он принялся громко выть, призывая на помощь, но буря заглушала его голос. Тогда Боб направился к одной ферме и страшными завываньями разбудил людей.

Некоторые из них выскочили даже с ружьями, полагая, что волк забрался к ним в гости. Но они нашли только Боба, который со слезами на глазах подходил к ним и лизал их руки. Потом он лег у ног старого фермера и еще раз жалобно завыл. Увидев ключ в зубах собаки, фермер догадался, что где-нибудь недалеко от его дома кто-нибудь взывает о помощи.

Боб, выпустив ключ из пасти, поднимается с земли и поспешно удаляется к берегу моря. Собравшиеся здесь люди последовали за ним, прихватив с собой на всякий случай длинную веревку. На берегу моря Боб остановился, стал опять ласкаться к фермеру, потом снова громко завыл, как бы давая знать о себе утопающему хозяину. Отчаянным криком отвечает хозяин на тревожный вой своего товарища и верного друга…

Пока люди рассуждали, как помочь погибающему, Боб схватил зубами конец веревки, которую они принесли с собой, и потянул ее к морю. Пораженные умом собаки, они стали отпускать веревку, придерживая ее за другой конец. Боб с веревкой в зубах, борясь с волнами и захлебываясь водой, приблизился как раз вовремя к своему хозяину: еще минута промедления, и было бы уже поздно!.. Силы утопающего изменяли ему, а прилив моря уже заливал верхушку скалы, за которую держался еще погибающий.

Взяв веревку из зубов Боба, погибающий обвязал себя ей вокруг стана и дал знать, чтоб его тянули посильнее — сам он

едва мог перебирать руками. Боб плыл рядом с ним и поддерживал по временам ослабевшего своего друга. Достигнув берега, собака, обессиленная таким трудом, повалилась без чувств к ногам крестьян, а может быть, она лишилась чувств от радости за спасение жизни утопавшему ее хозяину. Через несколько месяцев хозяин Боба снова сел на корабль, чтоб плыть в Америку. Снова случилась буря и крушение. Он утонул, несмотря на неимоверные усилия Боба спасти его. Сам Боб спасся от погибели каким-то чудом. Его выбросило волной на берег маленькой бухты. Здесь он был принят рыбаками. Через пять дней Боб, сев на купеческое судно, приехал в Ливерпуль, а оттуда отправился в Лондон, где надеялся, может быть, найти своего хозяина. Но увы! дверь, в которую он постучался, не отворялась, как это бывало прежде. Боб осиротел! У бедного Боба не было хозяина!.. Переночевав у знакомой ему двери, он завыл и вышел со двора, сам не зная, куда ему идти. С грустью в сердце он бродил целый день по улицам большого города. Боб ни у кого не просил себе подаяния: от горя он не чувствовал и голода. Вечером, когда весь город окутался густым туманом, Боб был на берегу реки Темзы. Тут он лег на каменной набережной и глубоко задумался…

При слабом свете фонаря Боб увидал человека, идущего тихим и осторожным шагом, держа на веревочке небольшую собачку. То был слепой со своим проводником. В темноте собачка сбилась с дороги, и слепой упал в воду. Боб тотчас же бросился на помощь и вытащил несчастного на берег.

Маленькая собачка подошла к своему хозяину и стала лизать ему руки. Слепой без гнева взялся опять за веревку, и друзья пустились в дорогу, а Боб, грустный и молчаливый, улегся на прежнем месте. Через несколько дней Боб вытащил ребенка, упавшего было в Темзу. Потом спас женщину, желавшую с горя утопиться в реке. Однажды прибежал на крик молодого человека, ограбленного мошенниками, которые хотели еще утопить его. Стал являться на пожарах и здесь показывал свою храбрость и самоотвержение, вынося из пламени маленьких детей, выгоняя из конюшен лошадей и т. п. Так как на пожар стекались злодеи, которые, пользуясь сумятицей, расхищали домашнее имущество, то Боб зорко следил за всеми людьми, быстро удалявшимися с пожара, и останавливал их. И много раз ему удавалось ловить воров, уносивших украденные ими вещи.

Все такие деяния Боба стали известны жителям Лондона. Было сделано предложение записать и принять Боба в члены человеколюбивого общества.

Ньюфаундленд был награжден серебряной медалью «За

спасенье». Кроме того ему была выдана еще почетная золотая медаль. Собака не возгордилась этими знаками внимания, но только с каждым днем действовала все более и более самоотверженно. Боб являлся всегда первым там, где была опасность. Казалось, что ни одно спасение не могло быть совершено без него. Нередко ночью можно было видеть его, расхаживающего по улицам огромного города. Все полицейские агенты знали Боба, любили и уважали его. Во время своих ночных прогулок отважный водолаз заходил в полицейские дома, где зимой ему всегда охотно уступали место у огня.

Мы долго не окончили бы наш рассказ, если бы пожелали перечислить все деяния этого *«знаменитого члена лондонского человеколюбивого общества».* Портрет с него был снят знаменитым художником Ландзеером.

Биш

Фридрих Великий, король прусский, умерший в 1786 г., очень любил собак. Некоторые из них, более умные и более красивые, помещались возле самого кабинета, в огромной комнате. Сюда-то великий король, основатель ныне могущественной империи, приходил позабавиться с любимцами в короткие минуты своего досуга.

Одна из любимиц короля, стройная и красивая левретка, имела позволение всюду сопровождать своего повелителя; она не

отходила от него даже во время сражений. Ей одной позволялось валяться на постели монарха, ей одной прощалась смелость отпускать какие-нибудь колкие шутки в присутствии его…

Фридрих II вел кровопролитные войны с Францией и Германией, со Швецией, Польшей и Россией.

Одна из таких войн продолжалась в течение семи лет (с 1756 до 1763 г.). Под конец Семилетней войны Фридрих II однажды вечером, удалившись от своей свиты, сбился с дороги и не знал, куда ему ехать, чтоб найти свою армию. Он был один в неизвестной ему местности и, быть может, даже среди неприятелей… Нет, он был не один — возле него была его верная собачка, и она-то помогла ему избегнуть несчастья.

Отыскивая дорогу, король доехал до реки Прегель и сильно встревожился: по его расчету в этой местности должны были бродить многочисленные отряды польских казаков. Опасность была велика!.. Он мог ежеминутно попасть в плен, лишиться не только свободы, но и плодов своих блистательных побед. Король был сильно взволнован, он осторожно подвигался вперед, всматриваясь в каждый куст, в каждое деревце… Вдруг Биш бросается на грудь лошади с глухим ворчаньем и как бы говорит: «Остановись! Ни шагу дальше!»

Когда же лошадь, повинуясь седоку, все-таки продолжала идти вперед, тогда левретка, подскочив к ноге короля и укусив за носок сапога, грустно завыла. Король понял, что Биш почуяла близкую опасность и предостерегает его. Фридрих Великий останавливает лошадь, смотрит, прислушивается, но никого не видит, ничего не слышит. Однако слезает с лошади, делает несколько шагов назад, к великому удовольствию собачки. Король ложится и прикладывает ухо к земле. Еще минута — и он услышал глухой шум, происходивший, вероятно, от отряда кавалерии, приближавшейся в его сторону по берегу реки Прегель…

Нельзя было терять ни минуты. Король бьет хлыстом своего коня, и тот мчится во всю мочь. Фридрих Великий прячется под мостом. В ту же минуту появилось десятка два неприятельских всадников, и были они уже в нескольких шагах от того места, где укрылся король, как вдруг бросились в сторону и помчались за лошадью Фридриха Великого с целью поймать ее. Положение покорителя сделалось легче, но все еще было весьма опасным. Могли появиться новые отряды неприятеля и открыть под мостом своего победителя!.. Тогда прощай вся слава его побед!

Чтобы вполне объяснить, что должен был испытывать король, сидя под мостом, надо прибавить, что Биш, чувствуя приближение неприятеля, силилась раза два залаять. Сжимая

руками морду собаки, Фридрих Великий в первый раз в жизни испытал, что значит страх!.. Когда Бит умерла, то благодарный король воздвиг ей памятник в парке замка Сан Суси, любимом местопребывании Фридриха Великого в Потсдаме.

Готар

На всех картинах, образах и эстампах, изображающих св. Роха, нарисована везде и его собака. Это и породило французскую пословицу, применяемую к двум неразлучным друзьям: «Св. Рох и его собака».

Рох родился в Монпелье в конце XIII века от благородных и богатых родителей. Ему не было еще двадцати пяти лет, когда он лишился отца и матери. Сирота, но богатый и свободный, молодой Рох, будущий великий святой XIV века, покинул Францию и отправился на богомолье в Рим. В то время в Италии свирепствовала чума. Рох с любовью и преданностью посвятил себя уходу за больными и таким образом способствовал выздоровлению многих.

Неустрашимый юноша, черпая силу духа в вере в Бога и в любви к ближнему, день и ночь сидел у изголовья зачумленных, увещевая их быть терпеливыми и уповать на Бога.

После смерти одного из больных собака умершего привязалась к Роху и не отходила уже от него.

В скором времени Рох сам заболел чумой. «Мне кажется, что я умру», — сказал он одному посетителю, которого он вылечил и который пришел благодарить его. — «Господь сделает для вас то, что вы сделали для многих других», — ответил ему тот. — «О! Смерть не страшит меня, но я бы желал немедленно выйти из города, чтоб не заразить оставшихся здоровыми, так как эпидемия здесь почти уже прекратилась».

Во время этого разговора собака, лежавшая у ног больного и смотревшая на него, жалобно завыла. Рох поласкал ее, потом, обратившись к посетителю, сказал: «Я вам дарю Готара на память. Берегите его».

По приказанию Роха собака последовала за гостем.

Через час после этого зачумленный больной вышел из города и удалился в глубь леса, чтоб скрыть там свои страдания и смерть. На другой день сверх своего ожидания Рох не умер, но к его страданиям прибавилось еще одно — голод!..

Вдруг он увидел возле себя Готара с куском хлеба. Собака вложила в его руку хлеб, легла возле страдальца и стала лизать его ноги. Ежедневно в течение целого месяца Готар доставал где-

то хлеб и приносил его больному. Наконец, вылечившись от заразы, Рох возвратился в Монпелье и посвятил себя на служение добрым делам. Он жил в бедном домике в узком и темном переулке и умер в 1328 г., 14 августа.

Собака Карла Дависа

В Англии когда-то существовали ужасные междоусобные распри. Католики и протестанты беспощадно предавали смерти друг друга, и каждая партия употребляла во зло свою победу.

После одного из ужаснейших сражений, когда католики остались победителями, некто Карл Давис (стекольщик в Еннисе) должен был искать себе спасения в бегстве, так как он недавно пред тем перешел в протестантскую веру. Он поспешил оставить поле сражения, возвратился в Еннис и спрятался в сорной яме. Тут он в продолжение четырех дней не имел пищи, кроме петуха, который нечаянно попал в ту же яму и которого беглец пожирал сырого.

Голодать и оставаться в грязной яме более четырех дней было невозможно. Карл Дэвис осмелился выйти из ямы ночью, прошел чрез город Еннис и уже вышел в поле, надеясь найти себе безопасное убежище, как вдруг был узнан солдатами

католической партии. Его схватили, поволокли в местечко Винегаргиль и тотчас же расстреляли. Одна пуля пробила его насквозь, другая оторвала ему руку После этого убийцы подошли к трупу и стали издеваться над покойником. Взяв труп за ногу, поволокли его и бросили в наскоро вырытую яму, которую засыпали землей и забросали каменьями. Карл Давис имел собаку, которая следовала за ним в его бегстве и присутствовала на месте казни. Едва убийцы ее господина удалились, собака принялась разбрасывать каменья, рыть землю лапами и делала это до тех пор, пока не показалась из-под земли голова и часть груди ее хозяина. Тут она стала усердно облизывать языком кровь, струившуюся из ран его. В течение нескольких дней собака не переставала зализывать раны своего господина — и что же? Карл Давис мало-помалу начал приходить в себя, возвращаться к жизни. Он очень удивился, когда стал сознавать свое положение. Все это могло бы ему показаться сном, если б он не видел возле себя верного своего друга, ворчащего от досады, что не в силах поднять на ноги своего господина; сам же Карл Давис, хотя и пришел в чувство, но, ослабев, не имел возможности пошевелиться. Собака, как верный друг, показала тут всю свою любовь и преданность, употребила все свои способы и усилия, чтобы возвратить к жизни дорогого для нее человека. Она не унывала, что старания ее в течение нескольких дней не давали желанного успеха, и продолжала не щадить своих сил, чувствуя, что искра жизни еще таится в ее господине. Забывая о пище, она продолжала согревать холодеющий труп, зализывать раны, выть, лаять и стонать. И она достигла своей цели — люди заметили ее старания и пришли к ней на помощь, но то были католики, враги ее хозяина… Увидев мертвеца, обезображенного, обагренного кровью и полузарытого в яме, суеверные католики приписали такое воскресение из мертвых чуду Провидения, которое возвращало Дависа к жизни лишь для того, чтоб он оставил протестантизм и снова перешел в католичество и тем избегнул бы вечного осуждения на муки ада. Итак, побуждаемые не чувством сострадания, а суеверием, католики осторожно вынули еретика из его могилы, перенесли к себе в дом, перевязали его раны и усердно заботились о нем. По прошествии трех месяцев Карл Давис совершенно выздоровел. Все жители Винегаргиля засвидетельствовали в свое время подлинность этого происшествия.

Дельта

21 августа 73 г. после Р. Х. жители городов Геркуланум и Помпея, лежавших у подошвы Везувия, на берегу моря, были испуганы известием, что над вершиной горы появилось черное облако дыма необычайной величины. Все выбежали на улицу, чтоб узнать причину такого страшного явления. Всеобщий испуг усилился, когда заметили, что облако образовалось из густого столба дыма, поднимавшегося на вершине Везувия и принимавшего форму колоссального дерева, ствол которого состоял из черного дыма, а сучья из огненных снопов различного цвета.

Страх напал такой, что несколько времени в обоих городах царствовала мертвая тишина… Наконец раздался громкий рев и вой домашних животных, а вслед за тем отчаянный вопль женщин и детей… Между тем черное облако разостлалось по всей окрестности и превратило дневной свет в ночную мглу; земля дрогнула так, что самые прочные здания поколебались и послышался грохот обвалившихся домов. Улицы, сады и дома стали покрываться черной золой и раскаленными каменьями, которые высоко выбрасывала из себя разбушевавшаяся гора. Два широких потока лавы приближались к стенам городов, обжигая и погребая все на своем пути. Тогда все, что могло бежать, обратилось в бегство, — и в густой мгле, среди страшного смятения происходили неописанные сцены человеческого отчаяния; слышны были крик и плач потерявшихся детей, раздирающие душу вопли матерей и всех, кто терял кого-нибудь, стоны безжалостно задавленных и растоптанных; здесь мать умоляла помочь ей найти потерянное дитя, там муж рвал на себе волосы по задавленной жене. Одни опрометью бежали в свой дом, чтобы спасти сокровища, другие, ожидая нового подземного удара, искали спасения за городом. Все это неслось, сталкивалось, теснилось, кричало, плакало и громко взывало о помощи… Все общественные узы порвались, и каждый повиновался только чувству самосохранения…

Города Геркуланум и Помпея исчезли под лавой и густой массой вулканической пыли. Они оставались погребены таким образом в продолжение семнадцати веков.

Теперь эти города открыты; из-под развалин достают очень ценные и любопытные предметы. Между всеми этими памятниками древности более других привлек на себя внимание скелет собаки, распростертой над 10-12-летним ребенком. Скелет находился в таком положении, будто собака во время ужаснейшего происшествия старалась спасти жизнь своего молодого хозяина. Вскоре был отыскан и ошейник этой собаки; на нем была сделана надпись по-гречески. Ошейник этот находится

теперь в галерее редкостей великого герцога Тосканского. Прочитав надпись на ошейнике, узнали, что собака называлась Дельтой и принадлежала Северинусу, которого она при различных случаях три раза спасала от смерти.

В первый раз вытащила Северинуса из воды, когда он тонул, во второй раз защитила от четырех разбойников, напавших было внезапно на ее хозяина, в третий раз защитила от волчицы, накинувшейся в ужасной ярости на Северинуса в то время, когда он похищал ее детенышей (в роще, посвященной богине Диане, близ Геркуланума). После таких славных подвигов Дельта, по-видимому, привязалась к одному из детей Северинуса. Доброе и верное животное не хотело оставить своего молодого хозяина даже в то время, когда всякий человек думал только о себе и старался бегством избавиться от ужасной смерти. Дельта также могла бы убежать и спастись, но, не имея возможности спасти друга, не искала уже и собственного спасения.

Сенбернардские собаки

На горе Сенбернард в Швейцарии построен небольшой монастырь, в котором живут монахи и держат собак, приученных пробираться по извилистым горным тропинкам, с которых они сходят в сторону только тогда, когда окажется необходимость помочь прохожему. Сбившихся с дороги они призывают к себе громким лаем и указывают дорогу, засыпанных снегом отгребают своими сильными лапами, согревают густой шерстью, лижут лицо и руки, — одним словом, приводят в чувство. На шее у сенбернардских собак обыкновенно висит закупоренная бутылка с вином для того, чтоб путники, продрогшие от холода, могли бы сперва согреться среди окружающего их снега, а потом уже следовать за собаками в монастырский приют. Каждый год эти собаки спасают жизнь многим людям. Случаи спасения, как и имена собак, записываются в монастырскую книгу.

Самой замечательной из этих собак был Барри, а спасение им пятилетнего мальчика (Стефани) произвело такое сильное впечатление в окрестностях, что один благодетельный господин взял этого сироту к себе на воспитание, приказав изобразить трогательное происшествие искусному бернскому художнику. Картинка была поставлена в убежище, где находилась собака.

В декабре месяце, в 1816 г., во время своих поисков много сенбернардских собак погибло под снежной лавой футов в 15 вышиной.

Самая лучшая из известных нам собак, говорит Шейтлин, не та, которая на Коринфе разбудила стражу Акрополя, не Безерилло, растерзавший сотни голых американцев, не собака одного палача, которая по приказанию хозяина провела через длинный темный лес боязливого путника, не Дракон Драйдена, который по данному ему знаку бросился раз на четырех разбойников, удавил нескольких из них и таким образом спас жизнь своего господина; не та, которая прибежала в дом мельника дать знать, что ребенок его упал в ручей, не собака, которая в Варшаве бросилась с моста в реку и спасла тонувшую девочку. Это также не собака Обри, которая столько раз бросалась на убийцу своего господина и чуть было не растерзала его в присутствии короля; наконец, не собака Бенвенуто Челлини, которая будила мастеров, как только вор забирался красть золотые вещи. Нет, это был Барри, собака Сенбернарда. Да, Барри, ты был лучшей из собак, лучшее из всех животных! Ты был большой разумной собакой. Ты спас жизнь более чем сорока людей. С корзинкой хлеба и бутылкой вина на шее ты каждый день выходил из монастыря в метель и оттепель, чтобы отыскивать людей, занесенных снегом и засыпанных лавинами, отрывал их и, в случае невозможности спасти, бежал домой звать на помощь братьев монастыря. Ты, как человек с нежной душой, умел, должно быть, выражать свое участие, потому что иначе маленький мальчик, вырытый тобой, не осмелился бы взобраться

к тебе на спину и дать нести себя в монастырь. Когда ты с ребенком на спине добрался до гостеприимных ворот, ты стал звонить в колокольчик, чтобы скорее передать дитя заботливости добрых братьев. И лишь только сняли с тебя драгоценную находку, как ты, не теряя ни минуты, побежал опять на новые поиски. Удача служила тебе только уроком для будущего, и ты становился веселее и бодрее. Лучшая награда добрых дел — это то, что каждое из них влечет за собой другое. Но как же могли понимать тебя спасенные тобой? Как умел ты ободрить и утешить их? Я бы хотел дать тебе язык, чтобы люди могли поучиться у тебя. И ты не ждал приказаний, ты сам всегда помнил свои святые обязанности, как добрый и честный человек. Лишь только ты издали примечал приближение тумана или метели, как уже спешил вон из монастыря. Родись ты человеком, чем бы ты был? Каким-нибудь святым основателем благотворительных братств и монастырей. И трудился ты неутомимо, не требуя ни похвал, ни благодарности, целых двенадцать лет… Теперь ты умер, и тело твое стоит в Бернском музее. Когда ты стал стар и слаб и не мог более служить людям, то город хорошо сделал, что кормил тебя и берег до самой твоей смерти. Кто увидит теперь в музее твое чучело, должен снять шляпу, купить твой портрет и под стеклом повесить его на стене своей комнаты. Пусть покажет он своим детям и ученикам картину, где с ребенком на спине ты стоишь и звонишь у ворот монастыря, и пусть скажет им: делайте и вы то же, что делала эта собака.

Эпаминонд

В Филадельфии, главном городе штата Пенсильвания (в Северной Америке), умер в 1866 г. один очень богатый плантатор. При жизни своей он любил прогуливаться по берегу гавани с огромной собакой *ньюфаундлендской породы.* Кличка этой собаке была Эпаминонд. Почему хозяин дал ей такое имя, осталось неизвестным. Может быть, он хотел почаще вспоминать честное и славное имя фивского полководца, умершего от ран (в 363 г. до Р. Х.), а может быть, еще и потому, что с этим именем он соединял честность, храбрость и отвагу своего Эпаминонда. Действительно, его Эпаминонд так же любил справедливость, как и фивский полководец, так же защищал слабых против сильных, спасал погибавших и проч. Жители Филадельфии знали про многие подвиги этой собаки, но не знали про один из них, за который она была почтена плантатором в его духовном завещании. Оказалось, что Эпаминонд когда-то спас жизнь и своему хозяину, несмотря на то, что он был владелец негров и стоял против освобождения от рабства этих несчастных людей.

«Мой водолаз, Эпаминонд, — было написано в духовном завещании плантатора, — спас мне однажды жизнь, когда я тонул, и чтоб вознаградить его за оказанную мне услугу, я оставляю ему после моей смерти ежегодную пенсию, равно как и служанке моей, Бетти, которая должна его кормить и быть его опекуншей.

Эта ежегодная пенсия должна выдаваться Бетти со дня моей смерти по 70 франков в день до дня кончины Эпаминонда.

Но когда умрет Эпаминонд, то она целый месяц после этого будет еще получать по 613 франков в день.

В день смерти Эпаминонда должна будет получать по 2250

франков в час.

В последний час жизни моей бедной собаки по 8170 франков в минуту, а в последнюю минуту по 2500 франков в секунду.

Поручаю моему нотариусу следить за точным исполнением этого завещания».

Драпо

Сенбернардская собака по имени Драпо спасла жизнь человека весьма остроумным способом. Человек, которого она нашла, был засыпан обрушившейся снежной лавиной, так что у него оставалась свободной лишь голова.

Сначала собака старалась всеми силами отрыть этого несчастного, но снег был слишком тверд, и усилия ее оставались безуспешны. Тогда она начала громко лаять, тоскливо поглядывая по сторонам. Так как никто ей не откликался, то она побежала что есть мочи не в монастырь, но в деревню, находившуюся ближе к месту несчастья. Жители, видя, что собака прибежала одна, догадались, что случилось что-нибудь недоброе, притом же это

подтверждалось и взволнованным состоянием верного пса. Они последовали за ним и спасли человека, который доверчиво ожидал помощи.

Великодушный ньюфаундленд

У какого-то человека, для чести которого лучше не называть его, был *водолаз*. Он хотел избавиться от него из экономии именно в тот год, когда на собак была наложена плата. Этот человек, желая привести в исполнение свое злое намерение, ведет своего старого слугу к Сене, связывает лапы его веревкой и с крутого берега бросает в воду. Собака до того билась, что разорвала веревку, и с трудом, едва переводя дух, выбралась на крутой берег. Злой хозяин отталкивает собаку, сильно ударяя ее дубиной, но при этом теряет равновесие и падает в реку. Он погиб бы безвозвратно, если бы собака его не была похожа более на человека, чем он. Водолаз бросается в воду, чуть-чуть не поглотившую его, чтобы спасти жизнь своему палачу. Это удалось ему не без труда.

Так собака умеет платить за зло добром!

VII
Умные и ученые собаки

Не все собаки в одинаковой степени одарены умом и смышленостью. И между ними, как и между людьми, есть умные и глупые; одних можно выучить многому, других почти ничему. Но и умную собаку нельзя выучить всему, чему захочешь: воспитание и обучение может только развить существующее, но ничего нового прибавить не может.

Подмечая те или другие способности у собак, люди выучивают их приносить пользу или служить для забавы.

Уже древние греки и римляне умели выучивать собачек из породы пуделей выделывать чудесные штучки, особенно в пантомимной игре. И в ближайшее к нам время появлялись иногда в больших городах труппы актеров из пуделей, болонок и бульдогов. Кто из нас не читал когда-нибудь об ученой собачке

Мгонито, разъезжавшей по Европе. Гораздо меньше нам известны собаки-музыканты, но из этого не следует думать, чтобы эти четвероногие создания были лишены музыкального слуха. Пудель, принадлежавший Бешюти, умел аккомпанировать в пении своему хозяину и принимал участие в хорах. Другой пудель, принадлежавший богатому купцу Фридриху Шварцу, являлся даже строгим критиком в операх и концертах. Эта собака (Пюдль) настолько понимала музыку, что при каждой фальшивой ноте издавала нетерпеливое и досадное ворчанье.

Удивляясь *ученым* собачкам, мы еще больше должны удивляться тем *умным* собачкам, которые без всякой выучки, сами, или, как говорится, *собственным умом* доходили иногда до удивительных открытий. Всем известна, например, история той французской собаки, которая, видя, что нищие звонят у дверей монастыря и получают еду, тоже стала дергать за звонок, чтоб получить поесть.

Зозо

Во Франции существовали монахи ордена «Младших братьев св. Франциска». Платье они носили широкое, из толстого сукна и подпоясывались веревкой (corde) — отсюда и получили название кордильеров. Жили эти монахи исключительно милостыней. На каждого приходящего в их монастырь смотрели как на своего данника и ждали от него подачек. Любя проводить время в философских спорах, братии некогда было даже наловить себе рыбы в собственных прудах, но зато Кордильеры умели заставлять работать других вместо себя и на себя.

Заметив однажды, что пудель, живший в монастыре, любит забавляться ловлей раков, монахи тотчас же возложили на него обязанность снабжать монастырь провизией. Забава пуделя теперь сделалась для него занятием. И эта «собака-рыболов» до конца своей жизни добросовестно исполняла возложенную на нее работу. Рано утром Зозо, обмазанный какой-то пахучей жидкостью, отправлялся на промысел: он входил в воду и прикидывался мертвым. Раки, привлекаемые запахом жидкости, спешили облепить пуделя, чтобы поесть падали, как они предполагали, и запутывались в длинной и густой шерсти Зозо. Тогда пудель, весь покрытый раками, выходил из воды и относил свою добычу на монастырскую кухню. Проработав таким образом несколько часов, Зозо мог уже напитать братию в этот день вкусными раками. Но на другой день должен был снова отправляться на ловлю.

Состарившись, а быть может, и изнурившись от постоянной работы, «пудель-рыболов» стал все реже и реже выходить на ловлю. Он уже не бежал к воде как резвый ребенок, а плелся шагом, едва передвигая свои ноги; не торопясь ложился в воду и с трудом поднимался. В один несчастный день пудель утонул. Раки в самом деле съели бы своего страшного врага, если бы преподобные Кордильеры не поспешили вытащить из воды своего *рыболова.* Зозо был похоронен в монастырском саду, но памятника на могиле этого бескорыстного труженика поставлено не было… Позабыли!..

Кривоногий такс и его союзник

К одному фермеру близ Тулона заехал однажды сосед его по деревне и просил фермера подержать у себя на время его отсутствия его собаку. Это был *такс* с кривыми ногами. Фермер намеревался продолжать приучение такса к охоте до возвращения хозяина.

В первые дни этого гостеприимства дело шло хорошо, и такс отлично привыкал к своему новому местопребыванию. Но вот поднялась ссора между собакой фермера и новоприбывшей. Такс, очень пострадавший в этом бою, вдруг пропал из дому.

Что с ним сделалось? Стали беспокоиться и принялись разыскивать по окрестности; звали — нет ответа. На другой день такс пришел во двор. С ним вместе пришла огромная собака, друг его, за которым он сходил в дом их общего хозяина. Это была союзница такса, третье лицо, введенное в предшествовавшую ссору.

Зрители ожидали, что должно последовать объяснение, — так и случилось. Союзники напали на негостеприимную собаку, наказали виновную и торжественно удалились.

Пачкун

Бедные савойяры целыми толпами приходят ежегодно в Париж снискивать себе пропитание различными грошовыми промыслами. Одни из них ходят по улицам с шарманками и учеными собачками, другие занимаются собиранием тряпья, осколков стекла, обрывков бумаги, третьи чистят сапоги или платье, забрызганное грязью, подкладывают дощечку для перехода через канаву в дождливое время, открывают и закрывают дверцы у фиакра, — словом, придумывают тысячи мелочных промыслов, которыми всегда можно добыть деньгу в большом городе, где живет много богатых людей.

У одного из таких савойяров, занимавшегося чисткой сапог, была отличной помощницей собака по имени Пачкун.

Делалось это очень просто. Хозяин и собака стояли обыкновенно у дверей старинного отеля в улице Турнон. Если случалось проходить здесь какому-нибудь франту с лоснящимися сапогами, то собака, поспешно обмакнув в сточную канаву свою толстую мохнатую лапу, наступала ей как будто нечаянно на блестящие сапоги.

— Мерзкий пес! — вскрикивал франт, между тем как собака старалась ловко улизнуть от пинка ногой или от палки.

— Сударь, не прикажете ли вычистить? — кричал в ту самую минуту маленький хитрец.

— Еще бы, — отвечал щеголь, — без всякого сомнения; сама судьба посылает мне тебя. И он ставил на скамеечку ногу, испачканную собакой. Эта маленькая хитрость была замечена одним знатным англичанином. Глядя на свои запачканные сапоги, на собаку и ее юного хозяина, англичанин был удивлен

как умом собаки, так и сметливостью мальчика, который после некоторого колебания признался, что выучил этому собаку, чтоб доставать себе побольше работы. Англичанин предложил большие деньги бедному мальчику за его собаку. Савойяр соблазнился и продал своего Пачкуна. Собака немедленно была отправлена в Кале, а оттуда на пароходе в Англию.

Между тем прежний владелец Пачкуна горько оплакивал его в Париже, мучаясь упреками совести, как вдруг… Какая неожиданная для него радость! Две недели спустя после продажи дорогой Пачкун появляется снова у дверей отеля, более чем когда-нибудь грязный, и лучше чем когда-нибудь принимается покрывать грязью сапоги у прохожих франтов. Пачкун прибыл из Англии в Париж один, без провожатых!..

Юно

В прошлом столетии в разных государствах Европы знатные люди любили носить на руках своих муфты, а в них держать очень маленьких собачек. Один из известнейших французских министров того времени также имел пристрастие к маленьким собачкам; кроме того, он имел еще и другую слабость — любил видеть почтительность к блестящему мундиру.

Зная такие слабые стороны влиятельного министра, некто Бурет приобрел себе замечательно красивую, умную и крошечную болонку по кличке Юно. Шерсть на собачке была длинная, шелковистая, большой лоб и большие висящие уши. Нарядив

одного из своих слуг в блестящий мундир, Бурет выучил собачку подходить почтительно к этому мнимому сановнику, еще почтительнее ласкаться к нему, ловить его взгляд и с восторгом лизать протянутую к ней руку. Когда Юно хорошо изучила такого рода льстивое обхождение, тогда Бурет отправился с ней в министерство, отдававшее на откуп разные статьи государственного дохода. Во главе этого министерства стоял названный нами сановник.

Собачка, завидев министра в блестящем мундире, тотчас же бросилась к действительному, а не к мнимому уже сановнику. Потом, переменив свой как бы невольный восторг на безмолвное почтение, она тихо-тихо подошла к ногам министра и стала нежно ласкаться. Едва министр потянулся к ней, как Юно взвизгнула от радости и принялась лизать его руку, а попав к сановнику в муфту, притворилась, что отрекается от своего прежнего хозяина.

— Да какая же у вас славная, умная и ласковая собачка, — сказал сановник, гладя ласкающееся к нему красивенькое животное.

— Если эта собачка так нравится вашему превосходительству, то вы осчастливите меня, приняв Юно под свое высокое покровительство…

Сановник самодовольно улыбнулся и принял подарок, а Бурет через несколько дней после этого получил такой откуп, от которого страшно разбогател.

Пантелен и Мака

В настоящее время всюду уже запрещено водить ученых медведей, но собаки продолжают еще танцевать и выделывать разные штуки. Почему же такая несправедливость?… Известно, что приготовлением актеров из четвероногих животных и птиц занимаются всегда люди грубые, употребляющие при обучении крайне жестокие наказания…

Пателен — пудель и Мака — обезьяна, разумеется, также подвергались жестоким наказаниям, прежде чем сделались искусными уличными актерами. Они состояли в труппе одного овернца, который водил их вместе с другими собаками и обезьянами по улицам Парижа. Одна из собак представляла караульного с ружьем и с саблей, другая делала опасные прыжки, третья ползала как жаба или ходила только на одних передних ногах, четвертая всходила на кафедру и защищала диссертацию, лая во все горло, бульдоги отвечали ей тоже лаем и т. п.

Казалось, что эта маленькая труппа четвероногих комедиантов обещала дать хорошие заработки своему хозяину, потому что все, которые останавливались на площадях, чтоб посмотреть на представление, бросали не только медные, но и серебряные деньги в шляпу овернца, и он каждый день приносил домой значительный сбор… Вообще люди охотнее платят за свои удовольствия, чем за свое обучение!

В это же самое время в Париже был еще другой овернец, тоже показывавший ученых собак, но ему невезло. Потому ли, что его собаки были хуже обучены, или по какой другой причине, но он едва зарабатывал на свое пропитание, а труппа его просто голодала… Овернец смотрел волком. Он, как и все вообще овернцы, был жаден к деньгам до крайней степени. За деньги он готов был обмануть, обобрать, провести всякого, хотя бы своего благодетеля, а счастливый его собрат по ремеслу был ему не благодетель, а враг смертельный. И вот, побуждаемый завистью и желанием привлечь к себе зрителей, он отравляет лучших актеров из труппы своего соотечественника. Овернец, огорченный такой чувствительной потерей, заболел и не мог выходить. Сбережения его скоро истощились, и *он впал* в нищету. Тогда ему пришла на ум блестящая мысль. У него еще остался толстый стриженый пудель по имени Пателен и маленькая мартышка Мака, которую он научил садиться верхом на собаку. Овернец вырезал ярлык со следующей надписью: *«Господа, прошу милостыню для своего хозяина, заболевшего с горя после потери лучших своих актеров».*

Повесивши ярлык на шею Пателена, овернец сказал: «Посади к себе на спину забавного Мака и иди зарабатывать хлеб своему хозяину». Маленькая обезьяна в голубой шляпке и в красном платье была посажена на спину пуделя, и они отправились на площадь в сопровождении маленького сына больного овернца. Когда толпа любопытных окружила актеров, мартышка сошла на землю, взяла палку и стала колотить по зевакам, чтоб они раздвинулись и очистили место для представлений. Пателен поклонился зрителям и исполнил несколько штук. Потом, хотя музыки и не было, он все-таки протанцевал немножко с Макой. Наконец по окончании представления пудель взял в зубы шляпу и стал собирать подаяние, почтительно кланяясь пред восхищенными зрителями.

В продолжение нескольких дней Пателен и Мака показывались на площадях города Парижа и собрали такое количество денег, что овернец в состоянии был не только вылечиться, но и приобрести новых собак взамен умерших. Два месяца спустя он опять показался на Елисейских полях и на Бастильской площади. Толпа, как и прежде, собиралась

рукоплескать его новой труппе, но всего более старым своим знакомым.

Земира

Самая знаменитая труппа четвероногих артистов, дававшая свои представления в окрестностях Парижа (в 1865 г.), принадлежала Корви. Труппа состояла из пуделей, болонок, обезьян и кошек. Между ними были действительно замечательные актеры, но самой любимой актрисой была маленькая собачка Земира, потешавшая зрителей своими штучками; кроме того, она умела отлично улыбаться и громко хохотать. Выучилась она этому у своего прежнего хозяина, поляка, беззаботного и веселого парня. Прибыв в Париж с Земирой и прожив все свои деньги, он впал в бедность, так что

вынужден был продать собачку в труппу Корви.

Легкомысленная Земира скоро забыла прежнего своего хозяина и привязалась к содержателю труппы. Так как это была умная и резвая собачонка, то она не много времени употребила на то, чтоб к известным уже ей штучкам прибавить еще несколько новых. Выступив перед публикой в первый раз, она ловко и свободно исполнила все свои роли, как будто была уже давно на сцене. С первого же раза она привлекла к себе расположение посетителей того балагана, в котором отличались бессловесные четвероногие артисты.

Когда вышли на сцену уже известные всем актеры, одетые поварами, маркизами, офицерами, докторами, то Земиры между ними не было.

Раскланявшись с публикой, пуделя, болонки и кошки удалились за кулисы, на сцене остались только пудель-доктор и болонка-пациентка, одетая маркизой. Врач очень усердно ухаживал за капризной больной: он ходил пред ней и на задних, и на передних, и на двух левых или на двух правых ногах… Вот маркиза падает в обморок, болонка притворяется мертвой. Бедный врач приходит в беспо-койство, он скачет по сцене уже на всех своих четырех ногах, суетится и, по-видимому, не знает, что и делать: то щупает пульс у больной, то ходит взад и вперед на двух задних ногах, снова наклоняется, снова щупает пульс и наконец безнадежно качает головой. Тут из-за кулис подкрадывается к больной маркизе Земира и кусает ее за хвост. Та, взвизгнув, быстро вскакивает на ноги. Земира громко хохочет и скрывается за кулисы. «Браво! Браво!» — закричала публика и стала вызывать на сцену «собачку-хохотунью». Хозяин вынес Земиру на руках и попросил ее еще раз похохотать вместе со зрителями над «притворщицей маркизой», излечившейся от такого простого средства; причем сконфуженный доктор ворчал и лаял.

После этого продолжались представления: актеры то обедали, то танцевали, то били в барабан или стреляли из пушек. Земира уже не сходила со сцены и громко хохотала при каждой смешной штуке, какие умели выделывать обезьяны.

«Не правда ли, госпожа Земира, как смешно танцует эта пара?» — спрашивал хозяин труппы. Земира хохотала. «Фи, как неприлично падать в танцах»… — Земира снова хохотала, а с ней вместе хохотали и неприхотливые зрители: лакеи, горничные, кучера, прачки или кухарки.

Для заключения спектакля хозяин труппы обыкновенно составлял такой оркестр из всех своих артистов, что публика, закрыв уши, спешила убраться в палатки. Дирижировал

оркестром старый «кот мурлыка» с огромными очками на носу. Корви нарочно составлял такой раздирающий душу оркестр, чтобы публика поскорей удалилась.

Стоя у дверей своей парусиновой палатки и приглашая новых зрителей посетить театр, Корви обыкновенно обращался к Земире с таким вопросом: «Не правда ли, моя милая, что в театре можно видеть много смешного?…» Земира взвизгивала, чихала или фыркала, вертела головой и хохотала во всю мочь, как бы желая тем сказать, что при одном только воспоминании об игре четвероногих актеров ее разбирает уже невольный смех. Земира иногда усаживалась у палатки с трубкой в зубах и делала пресмешные гримасы. Само собой разумеется, что все такого рода штучки побуждали разных зевак поскорей развязывать свои кошельки.

Жизнь свою окончила эта замечательная актриса в сыром подвале. Умерла чуть ли не с голоду. Какой-то почитатель ее талантов, сделав чучело из собачьей шкурки, выставил его, как вывеску, в окне своей табачной лавочки, и все, знавшие актрису при ее жизни, сделались постоянными покупателями табака в этой лавочке.

VIII
Собаки знаменитых людей

У многих знаменитых людей были любимые собаки и мы находим их тоже в числе знаменитостей. Назовем некоторых из них.

Перитес, Биш, Помпа, Тристан, Арцебур — вот имена знаменитых собак, принадлежавших коронованным особам. Известно, что Александр Македонский воздвигнул в память Перитеса город, мавзолей и статую, сокрушаясь о преждевременной смерти своей собаки, которой не сумел оценить. Помпа, принадлежавшая Карлу XII, была похоронена с особенными почестями. Несчастный король польский Станислав был опечален смертью своего Тристана гораздо больше, чем потерею короны.

Диамант, Дюк, Мойда, Ральф, Лулу, Гошон, Гюльюмета — это имена собак, принадлежавших великим ученым, поэтам, композиторам. Ньютон, Руссо, Вальтер Скотт, Байрон, Верди — все любили проводить часть своего дорогого времени между четвероногими друзьями. А некоторые из писателей выводили в своих романах деяния известных собак или воспевали их в стихах. Так, например, автор жизни Риенцо воспел его собаку, *Митраля.* Содержанием одной трагедии послужила собака, умершая в Амстердаме в 1709 г. и принадлежавшая маршалу Девивону. Борзая Бенвенутто Челлини увековечена этим знаменитым

ювелиром на серебряном блюде горельефом (выбита). Блюдо это хранится во Флоренции, в музее.

Скриб, великий драматический писатель, велел вырезать на фронтоне своего загородного дома следующую надпись: «Театр заплатил за это дачное жилище. Благодарю тебя, прохожий: может быть, и ты способствовал этому…» Верди, автор «Риголетто», велел вырезать над дверью своего замка только одно слово: «Лулу», имя собаки. И четвероногий друг его, по прихоти своего хозяина, сделался бессмертным.

Ратон

Нинона де Ланкло, француженка, прославившаяся своей красотой, любезностью и влиянием на общество во времена Людовика XIV, умерла в Париже в 1706 г. У этой замечательной женщины была очень маленькая собачка, Ратон. На шее у Ратона висел великолепный серебряный ошейник с голубым сердечком, запиравшимся золотым замочком. На сердечке была надпись по-испански: *«Я люблю свою госпожу и кусаю тех, кто бы осмелился не любить ее; но мне до сих пор никого еще не пришлось укусить».*

Когда Нинона отправлялась к знакомым обедать, то всегда брала с собой и собачку. Она ставила ее в корзине около своей тарелки.

Ратон молчал, пока подавался суп, говядина, жаркое; но лишь только хозяйка ее показывала, что хочет отведать соуса, то Ратон начинал ворчать, пристально смотрел на госпожу и не позволял ей брать недозволенного доктором кушанья.

Не ко всем, впрочем, соусам собачка относилась враждебно; но до некоторых решительно не позволяла дотрагиваться, как скоро слышала от них запах некоторых острых приправ.

Лающий доктор видел из своей корзиночки, как подавались все кушанья, одно за другим, и никогда не выражал желания чем-нибудь попользоваться, хотя бы куриной косточкой; он не похож был на доктора, проповедующего воздержание и объедающегося за столом, а довольствовался несколькими кусочками миндального пирожного.

Ратон дозволял госпоже своей есть сколько угодно плодов, но когда подавали кофе, глаза собачки разгорались от гнева. Если откупоривали анисовую водку, Ратон тотчас прижимался к своей госпоже, как бы в какой-нибудь страшной опасности, хватал зубами рюмку и прятал ее в свою корзиночку. Если Нинона делала вид, что хочет выпить запрещенного напитка, Ратон начинал ворчать; если же Нинона продолжала выказывать свое

намерение, то собачка просто выходила из себя. Все помирали со смеха, глядя на такую сильную злость, заключавшуюся в таком маленьком теле! «Доктор, — говорила Нинона, — вы мне позволите выпить по крайней мере стакан воды?» При этих словах красивенькое животное усмирялось и шевелило хвостом. В знак примирения Ратон получал и грыз кусочек миндального пирожного, потом начинал кружиться и прыгать от радости, что обед прошел согласно с предписанием доктора и не мог повредить здоровью неразлучного его друга.

Черная Пасть

Винсен де Поль собирал покинутых детей-сирот; Кребильон (знаменитый французский писатель) собирал собак, которых содержал в своем доме, кормил их и старался каждую из них выучить чему-нибудь полезному для человека.

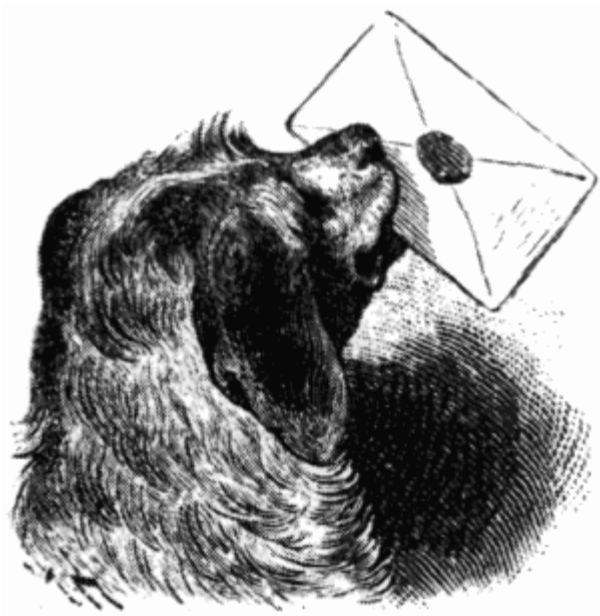
Между собаками Кребильона был очень умный пудель по имени Черная Пасть. Знаменитый человек, более богатый славой, чем доходами от своих сочинений, не держал лакея. Все поручения его исполнял этот ученый пудель. Кроме того Черная Пасть был еще очень полезен на кухне, где он усердно прислуживал старой кухарке поэта, женщине больной, а главное, ленивой. По приказанию ее пудель ходил за всеми покупками к продавцам в ближайшем квартале.

В одно воскресенье Кребильон пригласил к обеду двух своих приятелей. Кухарка была так занята приготовлением обеда, что не могла сама идти к известному в то время кондитеру (Лесаж, в Париже) и приказала своему помощнику принести дюжину пирожных.

Пудель, живой как рыба, помчался в кондитерскую с хорошенькой корзинкой в зубах. Прибегает к кондитеру. Тот снимает с головы своей бумажный колпак и почтительно кланяется покупателю. Двенадцать пирожков положены в корзиночку. Собака, виляя хвостом, осторожно берет покупку в зубы и отправляется в обратный путь. Она уже была недалеко от своего дома, как вдруг два меделянских щенка подбежали к ней и стали обнюхивать корзиночку. Пахнет приятно! Еще секунда, и — о ужас! щенки мигом съедают несколько пирожных. Черная Пасть не теряет присутствия духа. Он ставит корзиночку у фонарного столба и бросается на воров, кусает их беспощадно за уши и обращает в бегство. Затем торжественно возвращается к своей корзиночке. Новое несчастье: четыре шавки, бродившие тут, пользуясь отсутствием хозяина пирожных, вздумали

полакомиться ими. Видя опрокинутую корзиночку и несколько оставшихся пирожных, которые валялись в пыли, пудель глухо заворчал. Он уже не бросился на жадных шавок, чтоб наказать их за воровство, а просто сам подхватил оставшиеся пирожные и съел их. «Пусть не все те достанется вам, и я взял свою долю, мошенники», — так, вероятно, думал пудель. Шавки с удивлением смотрели на него, как он ел пирожные, и только облизывались! Черная Пасть возвратился домой с пустой корзиночкой, сконфуженный и грустный. Он чувствовал, что его поведение заслуживало порицания. Говорили, что он даже после этого лишился уважения старой кухарки.

Тюрлюретта



Шаррон, французский писатель-проповедник, провел свою жизнь в большой бедности, чтоб не сказать в нищете. К счастью для него, он мыслил и действовал таким образом, что нищета его казалась ему менее чувствительной. До самой смерти своей (умер в Париже в 1603 г.) он сохранил светлый и спокойный взгляд на жизнь.

Шаррон жил не один: у него была добрая, умная и распорядительная служанка. Звали ее Тюрлюреттой! Это была маленькая, очень живая и не знавшая устали собачка. Все поручения своего господина исполняла скоро и с толком.

«Тюрлюретта, — говорил Шаррон, — вот письмо к г-ну Марану, снеси его». Собачка запоминала имя, брала деликатно

письмо в свои белые зубы и доставляла его по назначению.

Таким образом она относила рукописи Шаррона в типографию и возвращалась оттуда с корректурными листами. Когда Шаррон собирался идти гулять, Тюрлюретта подавала ему трость, перчатки и шляпу. Возвратившись, он получал от своей внимательной служанки туфли и ночной колпак.

Однажды Шаррон получил от своего издателя-книгопродавца сто звонких серебряных монет. Какое богатство.

В течение всей своей жизни он не имел у себя в один раз так много денег.

«Я довольно нуждался, — сказал он. — Теперь я стал богат и даже очень богат! Я хочу угостить обедом здесь, у себя в доме, всех моих родственников и друзей! Тюрлюретта! Поди сюда!»

Явилась Тюрлюретта, села против него и стала внимательно слушать приказания.

«Сударыня! Вы понесете вот это письмо к пирожнику, вот это к трактирщику, а это отдадите в руки виноторговца. Идите и не теряйте времени».

Тюрлюретта отправилась заказать обед с винами.

В назначенный час были принесены людьми корзины с кушаньями и винами. Съехались гости. Обед был оживлен. Тюрлюретта сидела за столом, рядом со своим хозяином. Ей говорили комплименты, ею восхищались!

«Тюрлюретта! Теперь надо позабавить общество».

Тюрлюретта тотчас же начинала танцевать, приседая очень мило и грациозно.

«Тюрлюретта! Тюрлюретта! — вдруг вскричал хозяин. — А кофе?»

Тюрлюретта с письмом во рту побежала в кондитерскую и через несколько минут возвратилась со слугой, который нес чашки, кофе и ликер.

То, что здесь рассказано про Тюрлюретту, доказывает, как была умна эта собачка. Остается прибавить к этому рассказу некоторые пояснения.

Шаррон, чтобы избавить себя от труда писать всякий раз адреса, давая поручения своей собачке, велел напечатать ярлычки: один для булочника, другой для виноторговца, третий для трактирщика и т. д. Ярлыки висели, каждый отдельно на стене, прикрепленные к ремням. По мере надобности Тюрлюретта снимала их с гвоздя и отправлялась куда следует. И надо отдать справедливость, Тюрлюретта никогда не ошибалась.

Был еще один ярлык с надписью «Пирожное для Тюрлюретты». Это давалось как награда верной и бережливой служанке. На вид этот ярлык ничем не отличался от других

ярлыков.

Шаррон, желая иногда ради забавы пошутить над Тюрлюреттой, обменивал ярлычки, т. е. вешал одни на место других, но собачка и тут никогда не ошибалась. Как только ее хозяин произносил слово «пирожное», она отыскивала ярлычок и поспешно удалялась с ним. Вскоре возвращалась домой и грызла свое лакомство.

Дюк

Когда знаменитый философ Ж. — Ж. Руссо жил на даче Эрмитаж в окрестностях Монморенси (город на севере от Парижа), то ему подарили собаку по имени Дюк.

«Эта собака, — писал он, — некрасивая, но редкой породы, была моим постоянным товарищем и другом и, конечно, заслуживала это название более, чем многие из тех, которые называли себя моими друзьями; эта собака сделалась известна во дворце Монморенси своим любящим нравом и нашей взаимной привязанностью».

Ж. — Ж. Руссо любил бродить по лесам, мечтать о своих литературных работах или собирать растения. В то время как Руссо срезывал лютик или срывал скабиозу, друг его Дюк забавлялся на свободе один. Иногда он позволял себе гнаться за черным дроздом или подстерегать белку, прыгавшую с ветки на ветку и нимало не боявшуюся его. Дюк очень хорошо знал, что ему не удастся поймать ни дрозда, ни белку, но он забавлялся этим, чтоб убить время и чтоб заняться чем-нибудь. Он понимал, что не следовало мешать глубокомысленным думам своего хозяина, и никогда не позволял себе докучать ему, когда видел, что тот писал что-нибудь карандашом или занят был чтением. Но в то время как Руссо давал столько же свободы собаке, сколько сам пользовался ею, Дюк имел странную привычку следить издали за своим хозяином. Он никогда не терял его из виду, шел по его следам и возвращался вместе с ним домой. Всегда задумчивый и мечтательный и вследствие этого очень рассеянный, Ж. — Ж. Руссо часто забывал что-нибудь на траве, где отдыхал, читал или писал. Тогда Дюк, столь же заботливый, сколько и внимательный, отыскивал забытое и приносил во дворец Монморенси. «Однажды, — рассказывает Руссо, — страшная буря настигла меня в лесу; желая как можно скорее укрыться где-нибудь, я поспешно удалился от того места, где сидел и где только что написал последние строки стихотворения «Аллея Сильвии». Возвратившись во дворец, я хватился

сочинения. Я очень хорошо помнил, что положил его в карман; вероятно, оно выпало, и я был уверен, что потерял его. Но я был приятно изумлен, когда увидел собаку, возвращающуюся с моим сочинением в зубах».

IX
Собаки, верные до смерти

Сколько любви и преданности должна носить собака в своем сердце, если она вопреки своей подвижной натуре остается иногда по целым месяцам у постели больного. Собака любит бегать, резвиться, ходить на охоту; сидеть на цепи или быть запертой в комнате — это большое несчастье для всякой собаки. И вот, однако же, мы видим, что некоторые из них добровольно обрекали себя на такое несчастье из любви к другу и хозяину.

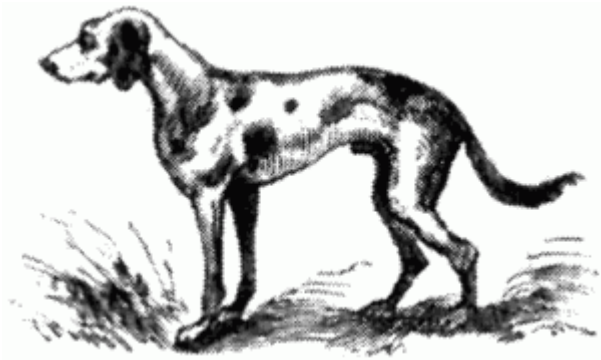
Страдает хозяин, страдает и друг его, собака. Это четвероногое животное обладает чувством сострадания, которого так часто бывают лишены разумные двуногие животные…

Умирает господин — умирает и его собака. Примеры такого рода мы находим уже на страницах древней истории человеческого рода. До нас дошли даже имена некоторых собак, которые не захотели жить на свете после того, как умерли их хозяева, и добровольно бросились на костры, на которых, по обыкновению древних народов, сжигались трупы умерших людей. Новейшая история также представляет многочисленные примеры собачьей преданности и верности до гроба.

Если господин умирал неестественной смертью, погибал как-нибудь от руки злого человека, то случалось, что собака,

любившая вообще людей, проникалась после такого злодеяния непримиримой ненавистью ко всем людям. Она старалась избегать даже встречи с ними, а на подходивших к ней людей ворчала, лаяла и не подпускала их к себе.

Способность к такой беззаветной верности не составляет принадлежности какой-нибудь одной собачьей породы. Пуделя и болонки, динго и бульдоги, гончие и легавые — все одинаково умирали с тоски по своим хозяевам, не разбирая их по званию, состоянию или положению в свете, — одинаково умирали как на могиле короля, так и на могиле нищего.



Цезарь

Молодой французский солдат Марондет, имея всего 25 лет от роду, потерял свое зрение от взрыва пороха во время пальбы из пушек. Ему назначили пенсию в 100 франков и отпустили на родину. Но этой суммы денег было недостаточно для его беспомощного существования: он был слеп, следовательно, не мог работать, чтоб добавлять еще что-нибудь к ежегодной своей пенсии. Оставалось просить милостыню, жить подаянием.

Марондет достал себе щенка и воспитал его. Из щенка вышел красивый пудель, который и стал скоро оказывать ожидаемые от него услуги. Цезарь (так звали собаку) водил своего хозяина из дома в дом, от фермы к ферме и вовсе не томился тем, что ходил на веревочке. Приближение этого пуделя к человеку считалось доброй рекомендацией, так как Цезарь обращался с просьбой только к тем, кого признавал добрым и сострадательным. Ласковый, выразительный и долгий взгляд — вот единственное средство, которое употребляла собака, взывая к людям о помощи. За подаяние всегда благодарила дружественным вилянием хвоста. Что же касается тех людей, у которых вместо сердца лежал камень в груди, то благородное чувство Цезаря возмущалось при встрече с ними, и собака обходила таких

негодяев…

Однажды слепой заболел и слег в постель на целых шесть месяцев. Как вы думаете, кто ухаживал за ним? Кормил его? Все тот же добрый Цезарь! Собака, превратившаяся в сестру милосердия, ложилась на ноги больного, чтоб согреть их, бегала к соседям, хватала их за платье и приводила к больному, когда тот нуждался в их услугах… Пудель бегал также в дома добрых людей и собирал пищу, до которой дорогой не дотрагивался, будучи уверен, что дома получит свою долю.

Болезнь, продолжавшаяся шесть месяцев, имела дурной конец. В одно утро Цезарь видит, что хозяин его лежит без движений, точно каменный. Напрасно он по-своему вопрошает его и осыпает ласками — солдат не движется!.. Удостоверившись в своем несчастье, собака молча ложится под кровать, и ничто ее не может вызвать оттуда… ничто, кроме погребальной процессии. Собака провожает своего хозяина на кладбище и, отдавши последний долг, возвращается в его комнату, плачет четыре дня и умирает, отказываясь от помощи и утешения. Чувствуя приближение своей смерти, Цезарь еще раз побывал на могиле Марондета. Это случилось в 1861 г. и было в свое время рассказано во многих французских газетах.

Диана

Диана (маленькая и послушная *моська)* принадлежала одной молодой француженке. Семейство, в котором выросла Диана, жило в небольшой деревне Лионского департамента, на берегу реки Роны.

В 1820 г. сообщение между этой местностью и югом Франции совершалось на судах, водой. Молодой хозяйке мопса предстояло сделать путешествие по воде, чтобы навестить своих родственников, живших в окрестностях Авиньона. Готовясь ехать в гости к любимым родственникам, молодая госпожа была очень весела. Примеряя новое платье, новые ботинки и новую наколку, она весело напевала какую-нибудь песенку. Диана, видя на лице своей хозяйки счастье, радость и веселье, сама была весела и счастлива. Радость свою Диана выражала большой подвижностью. Когда же госпожа, не выходя даже из дому на гулянье, снова снимала платье, наколку и ботинки, то Диана становилась скучной, не понимая, что такое делается с ее хозяйкой. Отчего это она, одевшись, не пошла гулять и не повела ее с собой?

Наконец настал день отъезда. Молодая путешественница должна была сесть на судно, отходившее из их деревни. Отец и мать провожают дочь свою до пристани. Диана в восторге. Какое счастье! Она увидит много нового, будет радоваться радостью своей хозяйки, не расставаясь с ней. Диана бегает взад и вперед, лает, прыгает на всех. На берегу реки, прежде чем взойти на судно, хозяйка берет свою любимую собачку, ласкает ее, дает наставление, как следует ей вести себя дома до ее возвращения, и, расцеловав, опускает на землю: «Ну, прощай мопсик! Будь умницей!..»

Диана со всегдашним кротким послушанием села, оперлась на передние ноги и следила отуманенным взором за движениями

хозяйки, лишь слегка вздрагивая всем своим телом. Но на нее уже никто не обращает внимания. Все заняты прощаньем, пожеланиями счастливого пути и благополучного возвращения. Расстаются. Судно отчаливает и мало-помалу удаляется. Родители еще раз обмениваются со своей дочерью прощальными знаками и решаются возвратиться к себе в дом. Диана все еще сидит, не трогаясь с места. Отошедши немного и не видя возле себя собачки, они зовут ее к себе, но Диана недвижима, даже не поворачивает головы в их сторону. Удивленные неподвижностью, они возвращаются к собаке и видят, что она остолбенела. Открытые глаза Дианы смотрели в ту сторону, где исчезла ее хозяйка. Бедное животное было поражено с горя параличом!.. Поспешили перенести собачку в дом, употребили все средства, чтобы помочь ей, но все было напрасно!.. Чрез два часа Диана умерла.

Матапан

Один очень почтенный житель Септема, близ Марселя, тяжело заболел.

Собака его, Матапан, которую он очень любил, легла у него в головах и ни за что не хотела есть.

Через несколько дней больной умер. Собака вместе со многими, провожавшими покойника, шла за своим хозяином до могилы, откуда ее отвели силой. Но на другой день, лишь только ее выпустили, она опять побежала на кладбище и, не пробившись в дверь, перескочила через ограду.

Беспокоясь об ушедшей собаке, брат умершего дня через три или четыре пошел отыскивать ее на кладбище; он действительно нашел вер ное животное… но холодным и бездыханным на могиле хозяина, потери которого она не могла перенести…

Справедливо кто-то заметил: «Что есть лучшего в человеке — так это собака».

Минета

Минета, легавая собака, не оставляла своего господина во время продолжительной его болезни, была свидетельницей его смерти и с плачем и воем проводила его до последнего жилища. Когда, наконец, опустили его в землю, Минета выкопала себе рядом с ним маленькую яму, в которой едва могла повернуться, и стала жить в ней. Она выходила из нее только тогда, когда слишком начинал мучить голод, и отправлялась к соседнему дому, чтобы достать себе пищу. Если по дороге встречались ей собаки, то она не обращала на них никакого внимания, потому что хотела жить только с мертвыми. Почти десять лет жила она таким образом на кладбище. Раз как-то не пришла она за обеденной едой в обычное время; пошли искать ее и нашли мертвой на могиле ее хозяина.

Гоп

Знаменитый путешественник Мак Дауэл Стуарт имел у себя верного и умного слугу, добытого им из логовища дикой собаки (динго), свойственной только Австралии.

Собака эта, именем Гоп, хотя и была воспитана с особенной заботливостью, но все еще сохраняла свойственную своей породе дикость, так что была послушна только своему хозяину. Она не принимала ласк от других людей и не отходила никогда от Стуарта.

Ночью Гоп не спал, а стерег своего спящего хозяина. Навострив уши и распустив широко ноздри, он ловил каждый звук и притом никогда не поднимал тревоги, если не было действительной опасности. Туземцы, прельщавшиеся оружием и багажом путешественника, напрасно употребляли всевозможные хитрости, чтобы обмануть бдительность Гопа, который всегда чуял их приближение и молча будил Стуарта, слегка толкая его в голову носом. Потом, когда хозяин его с товарищами принимали оборонительное положение, храбрая собака бросалась на дикарей, захваченных врасплох, душила двух или трех и умела искусно увертываться от их стрел. Стуарт несколько раз был обязан ей спасением жизни и, понятно, любил Гопа до крайности.

Во время болезни своего господина, в последние месяцы едва переходившего с постели в кресло, Гоп не оставлял его ни на минуту. Постоянно лежа у ног его, он иногда засыпал, но ежеминутно просыпался и заботливо смотрел на больного.

В день смерти Стуарта Гоп по неизъяснимому предчувствию, свойственному некоторым собакам, стал еще заботливее к своему хозяину. Он ежеминутно подходил к изголовью знаменитого

путешественника и слегка взвизгивал. Вдруг визг его превратился в отчаянный вой: Мак Дауэл Стуарт испустил последний вздох!..

С этой минуты собака молча легла у ног своего хозяина, к которому боялись подойти люди для поднятия и погребения тела, потому что им была известна дикость, сила и раздражительность собаки. К великому их удивлению, она не трогалась с места — она лежала мертвая!

Лариго

Высокое самоотвержение этой собаки и верность ее в несчастье не должны быть забыты! Никакие гонения не вызвали в ней ни малейшей жалобы. Она как милости просила, чтобы ей позволили разделить заточение своего господина, за которым она в течение десяти лет усердно следовала из тюрьмы в тюрьму, снискивая всюду, в силу своей добродетели, сочувствие тюремщиков. После десятилетнего добровольного заключения в тюрьме Лариго наконец возвратился в 1859 г. на свою родину, в Париж, чтобы здесь умереть спокойно у ног своего господина, выпущенного из тюрьмы, в которой он по несправедливости людской так долго томился. Бескорыстное животное! Благородство твое достойно удивления!..

X
Поклонники и почитатели собак

Если, с одной стороны, к собакам относились или относятся несправедливо, то зато с другой — эти прекрасные создания имели и имеют своих страстных поклонников и почитателей. Вспомним известного французского писателя Кребильона, родившегося в Дижоне в 1674 г. В квартире этого знаменитого человека жили довольно ладно между собой около тридцати собак различных пород, красивых и безобразных. В зимнее холодное время собаки окружали Кребильона у камина и грелись здесь вместе с ним, обедали также вместе со своим покровителем в его столовой комнате. Шутникам, которые смеялись над его слабостью к этим бессловесным животным, Кребильон отвечал: *«Я знаю слишком хорошо людей, а потому люблю собак».*

Благодарность человека к той или другой собаке выражалась то в виде монументов, то в пенсиях, назначавшихся на содержание любимых животных, и разными иными способами. По завещаниям оставлялись иногда огромные состояния в пользу четвероногих друзей. Синдиго, Щок, Сирюс, Эпаминонд — это имена собак, которые сделались известными как богатые наследницы.

Признательность к собакам проявлялась и проявляется не только в отдельных личностях, но и в целых обществах и народах.

Так, например, в городе Дельфте можно видеть статую, изображающую собаку. Сооружая этот памятник, голландцы хотели этим увековечить воспоминание о прекрасной собаке, принадлежавшей некогда правителю Голландии Вильгельму I.

Умолчим о Древнем Египте и современной нам Индии и укажем на Японию, где все собаки, находясь под защитой древнего закона, пользуются наибольшим почетом и покровительством.

Турецкая собака

Вот голова одной из тех собак, которые огромными стаями живут на улицах Константинополя, пожирая всякую падаль и нечистоты. Магометане не сознают той пользы, которую приносят им эти бесплатные санитары, хотя и между мусульманами находятся покровители животных. Каждый день рано утром по улицам Константинополя ходят люди с лотками мяса на головах и раздают его собакам. Это подаяние благочестивых турок, которые по завещаниям оставили свои капиталы для этой именно цели. Избегая соприкосновения с этими, по их понятию, «нечистыми животными», добрые турки строят иногда на улицах своей столицы будки для ощенившихся самок и даже выносят им воду для питья во время их болезни.

Письмо маршала Вальяна

В Дижон, Николаю Фэтю.
Париж, 8 июня, 1866 г.

Милостивый Государь!

Я бы желал иметь возможность благодарить вас за присылку вашей брошюры — *«Об истреблении собачьей породы»;* но, по истине, не в силах сделать этого. Я ужасаюсь нового избиения невинных, как вы этого требуете; я ужасаюсь этой новой, проповедуемой вами Варфоломеевской ночи против собак.

Как! Вы бы убили собаку Улисса, эту старую, слепую собаку, узнавшую своего господина после двадцатилетнего отсутствия, сбирающую последние силы, чтоб встать и подойти полизать ему руку! Пощадите бедного Аргуса, не убивайте его! Он изнемогает под избытком своей радости или дайте ему умереть от счастья!

Вы бы убили собаку молодого Товия, прибегающую с такой дальней дороги, чтобы известить слепого отца о скором прибытии его сына и окончании его страданий.

Вы бы убили собаку, которая по своему, более чем чудесному инстинкту, умела найти святого Роха, умиравшего от чумы в глубине пещеры, в страшной пустыне! — собаку, возвратившую миру человека, который за свою благотворительность и высокие подвиги самоотвержения заслужил царство небесное.

Вы бы убили отважную собаку в Монтаржи, не дождавшись, чтобы она указала убийцу Обри Мондидье, своего хозяина, и принудила Ричарда Макара признаться в своем преступлении.

Вы бы убили Фидо, собаку Жослэна, послужившую для Ламартина сюжетом стихотворения, которое невозможно читать без слез.

Вы бы убили полковую собаку, собаку при погребении бедняка, ньюфаундлендскую собаку, сенбернардскую собаку, после того, как она вынесла бы вашего сына из засыпанной снегом пропасти или вытащила из реки, в которой он тонул! Всех бы без исключений, без жалости, без милосердия…

Вы не пощадили бы и моей собаки, Бруско, прилегшей к руке, которая пишет вам эти строки, и пристально смотрящей мне в глаза, как бы читая в них выражение моего негодования против вас!

Побрани этого господина, как будто говорит она, побрани его хорошенько; скажи ему, как я люблю тебя, как мы любим друг друга! Как я люблю твою сестру, твою племянницу, всех милых тебе; скажи ему, как я оберегаю тебя ежеминутно днем и ночью; скажи ему несколько стихов, сочиненных твоим верным другом Малаковским, в честь меня, может быть, еще более верного твоего друга! Покажи этому негодному человеку несколько посланий на французском, латинском, немецком, итальянском языках, написанных исполненными чувств людьми, видевшими меня у тебя и умевшими оценить меня. Скажи этому клеветнику, не умеющему, конечно, понимать чистой и бескорыстной привязанности, что под портретом, снятым с меня искусным Жодэном, молодая двенадцатилетняя девица велела написать следующие строки, тронувшие меня больше всего: «Я пользуюсь как друг тем, что дает мне хозяин; мне был бы приятен и черный хлеб из его рук, если бы он был в несчастье!» Но, милый, дорогой мой хозяин, лучше всего вот что: не пиши ничего этому палачу собак; подожди, пока мы встретимся с ним, и тогда ты снимешь с меня на несколько минут намордник и посмотришь, как я отплачу зубами терзающему нас негодяю…

В ожидании исполнения намерения Бруско
пребываю покорным
вашим слугою,

Маршал Вальян

Заключение

В заключение книги остается пожелать, чтобы прочитанные рассказы убедили кое-кого в том, что собака не есть «сборище всевозможных низостей», а поговорка «у него собачий нрав» (в дурном смысле) должна быть отнесена к числу непростительных ошибок и стародавних заблуждений.

В нашем народе особенно грубы понятия по отношению к домашним животным — отсюда и вытекает та жестокость, с которой обходятся эти невежественные люди со своими четвероногими друзьями и помощниками в трудовой их жизни. Хотя по русским пословицам собака считается за неизменного друга, но по тем же пословицам — «была бы собака, а камень будет», то есть всегда найдется готовность ударить своего неизменного друга. Те же пословицы, находясь в постоянном устном обращении, научают детей верить, что «собаке собачья и смерть», то есть печальная или срамная.

Постигнет ли дурного человека неприглядная смерть, народ тотчас же отмечает ее пословицей: «Собаке собачья и смерть». Будто уже все собаки настолько порочны, что их нельзя иначе и

честить, как только дурным словом?… Желая укорить кого-нибудь в неблагодарности, народ говорит: «И (даже) собака старое добро помнит» — а ты, дескать, забываешь. Будто и в самом деле большая редкость видеть собаку признательной? Собака всегда помнит добро и никогда его не забывает. Это только для человека всего труднее быть благодарным… Если бы эти четвероногие создания могли говорить, то они с большим бы правом могли сказать: «И человек старое добро помнит».

Но ведь бывают же собаки злые и порочные? Да, бывают. И нам не мешало бы подумать о том, отчего, в самом деле, являются у собак пороки, когда при них должны бы оставаться только одни добродетели? Не в грустной ли человеческой школе портится это доброе создание?…

Если бы наши дети не воспитывались с ранних лет в грубых понятиях относительно мира животных, то они, вероятно, сами скоро подметили бы, что и собакам бывают присущи чувства любви и преданности, кротость, великодушие и многое другое, все хорошее. Есть чему поучиться, есть чему подражать!

Мы всегда должны радоваться, если замечаем где-нибудь возникающую дружбу между детьми и нашими домашними животными. Под влиянием этой дружбы легче всего может развиться у ребенка чувство сострадания — эта первая добродетель, при посредстве которой приобретаются и все остальные добродетели.